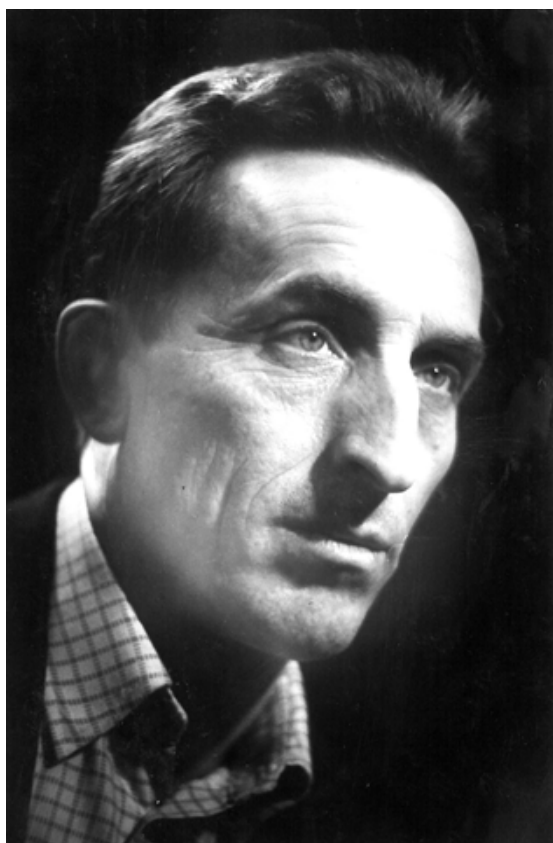

Посвящаю
Александру Петровичу Авдееву

Николай Калинин

ЧУДЕСА В КОНВЕРТЕ

Изд-во «Картуш»
Орел – 2017

УДК 82-1
ББК 84(2р)6
К 17

Николай Калинин

К 17 Чудеса в конверте. / Российские сюжеты / –
Орёл; Издательство «Картуш», 2017. – 108 с.

ISBN 978-5-9708 0588-6

УДК 82-1
ББК 84(2р)6

ISBN 978-5-9708 0588-6

© Н.Е. Калинин, 2017

РОССИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ

АНОНИМКА НА СЕБЯ

Пожилой житель окраинного микрорайона «Спасский» Тимоха Мазурин гнал на продажу самогон. Милиционеры сделали закупку и тут же произвели обыск. Дед от греха отдал им две бутылки настойки и тысячу рублей. Мирно разошлись.

Через некоторое время пришли те же двое.

– Старина, ты уж извини, но инициатива не наша. Жалоба на тебя, анонимка. Женщина просит прикрыть твою лавочку, мужика спаиваешь зельем. Показывай.

– Тимоха сунул им тысячу рублей. Уходя, менты посоветовали:

– Ты тут поаккуратнее.

Деду так хотелось проучить вымогателей, но долго придумать ничего не мог.

Той же зимой умерла Тимохина супружница, и это стало для него как бы сигналом: хватит, надо с этим делом заканчивать. И вот тут-то, когда закончил, нашло на него просветление. Сел, написал в милицию на себя анонимку: мол, Мазурин продолжает спаивать мужиков.

Как и ожидал, пришли двое, но уже другие: молодой крепыш – сержант, и высокий капитан, много старше. Этот потряс анонимкой, дал почитать. Тимоха похмыкал, ругнул «доносчиков» и говорит:

– Ребята, бросил я это дурное дело.

– Так уж и бросил, – усмехнулся старший.

Стали шарить. В том, что браги нет, убедились быстро, а вот две бутылки нашли в диване.

– Вот где она, голубка, – обрадовался офицер.

– Да не самогонка это, – неуверенно сказал дедок.

– А мы посмотрим. Не надо волноваться, старина.

Капитан отвинтил колпачок, бросил испытующий взгляд на деда и взял содержимое на язык. Завинчивая, сплюнул и спросил:

– Что за жижка?

– Так это... старуха моя недавно умерла. Обмывали, и вот оставили, чтоб слышать её живой голос с того света. Так говорят.

Лицо у капитана исказилось, картуз на голове шевельнулся. Он бросился к выходу, и через окно послышались звуки рвоты. Молодой выскочил к нему, а дед – следом. Сказал с порога:

– Ребятушки, зайдите, я вам стол соберу, помяните мою старуху покойницу, мир её праху.

Ответом ему был мат с угрозами.

ЗЛОВЕЩАЯ ЧАСТУШКА

Свадьба в райцентре набирала обороты. Здесь был участковый милиционер, две учительницы – весёлые старушки, сельские жители и даже затесался один член КПРФ, заполитизировавший свадебную компанию. Наевшись и наговорившись, гости стали вылезать из-за стола. Пошла пляска под гармонь. Рядом с невестой сидела её подруга, а с женихом – дружок, сослуживец по Чечне; он был вызван из далёкого города. Засидевшийся дружок сказал:

– Пойду-ка разомнусь.

– Давай, Лёх, сбаци лезгинку, – напутствовал жених.

Лёха протиснулся, дождался очереди и, вызвав из ряда сидящих спиной к столу толстушку средних лет – похоже, диабетчицу, пустился в пляс. Крутанувшись около неё, выдал:

*«Я не врач, ни гинеколог,
Просто парень деловой.
У невесты нету девства,
Я ручаюсь головой».*

– Лёха, поддай жару, – гаркнул жених, подняв над собой кулак.

Подруга невесты взглянула на неё недоумённо, а толстушка в долгу не осталась. Распахнув руки, остановилась перед мужчиной в сизом костюме и при галстуке:

*«Участковый, участковый,
Разбери мои дела.
Я ни с кем не переспала,
Почему я родила?»*

Участковый выдвинулся вперёд, помедлил и выкрикнул, протянув к ней руки:

*«Дорогая ты Маруся,
Разобрал твои дела.
Ты забыла, с кем кутила,
В стельку пьяная была!»*

– Ох-ха, – подхватил Лёха под общий хохот и пошёл с присвистом впрысдку, то приближаясь, то отдаляясь от

партнёрши. В это время к нему подошли двое – брат и отец невесты, гневно подняли его за плечи:

– А ну-ка, пойдём, посмотрим, как ты рискуешь головой. – Лёха покорно пошёл с ними на улицу. Жених закричал вслед:

– Эй-ей-ей, поосторожней там!

Он выскочил за ними, но было уже поздно; Лёха отплёвывался, вытирая нос и губы платком. Жених обратился к тестю:

– Вы что, народного юмора не понимаете?

– Это ему для науки, чтоб знал, где и как юморить.

– Ну, батя, нашёл время для разборок. А вдруг он прав.

– Сашок, иди на место, а то и тебе врежу, – предупредил брат невесты. А в доме шумело и гремело:

Без меня меня женили,

Я на мельнице застрял.

Приезжаю весь в муке,

Она – сидит на сундуке.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Проводили следственный эксперимент. На место воровства, в торговую точку, привели подозреваемого каменщика Стребкова, который в предыдущий день выкладывал пристройку к магазину. Дали ему понять: покажешь, как вытащил десять бутылок водки, – смягчим наказание.

Он рассказал: магазин работает до восьми. Чтобы выработать весь раствор, пришлось задержаться. Ну а когда стенку выложил, выбил десяток кирпичей снизу, пролез в щель и легко открыл заднюю дверь металлическим стержнем. Снаружи никто видеть не мог.

– Как же ты пролез в такую дырку? – удивлялся милиционер.

– А лишь бы голова прошла.

– Изобрази.

Стребков разделся, просунул голову, прогнулся, как уж, и показал голые пятки через худые носки. Хозяин торговой точки, милиционер и двое понятых затаились, прислушиваясь к звукам за стеной. И тут услышали удар, металлический лязг и матерщину; на улице, метрах в тридцати, случилась авария. Все из любопытства бросились туда. Две легковушки были прижаты друг к другу: выбиты стёкла, вывернуты капоты, оторопелые водители. Все любопытные оказались понятными нового ЧП.

Вернулись к торговой точке минут через двадцать. Стребкова не было. Позвали. Он не ответил. Когда вошли через фасадную дверь, увидели каменщика спящим на полу. Около него стояла недопитая бутылка и недожёванный пряник.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ АРТЕМЬЕВ

На ферме украли комбикорм. В жаркий день участковый приехал к сторожу, подозреваемому. Пристроил свой «Москвич» сбочь дороги, вошёл в дом. Хозяин, человек средних лет, с хитровой улыбкой шепнул что-то жене и сыну-подростку, они вышли. Милиционер выложил бумаги, присел к столу. Беседовали долго. Выйдя, служивый увидел, что машина его стоит без правого заднего колеса, ступицей опирается на кирпичи. И никого вокруг. Только от пруда доносились ребячьи голоса.

Появился хозяин, всплеснул руками. Участковый вышел из оцепенения:

– Мать бы вашу раз-этак, у меня запаски нету. Слышь, Артемьев, наведи, кто это сделал. Закрою твоё дело с комбикормом.

Артемьев поразмышлял малость, заорал:

– Лёнька! Лень! Домой.

Парень пришёл.

– Не видал, кто это сотворил? – спросил отец.

– Не знаю, я от пруда не отходил.

Включился участковый:

– Лень, будь ты мужиком, разберись, а мы тут с твоим отцом договорились, закрою я это дело с комбикормом.

– Пошукай, пошукай, – тронул Леньку отец за плечо. Лёнька ушел. А скоро прикатил колесо. Пояснил:

– За дворами в крапиве валялась.

– Валялась, – передразнил участковый. – Выкорчевать бы всю вашу деревню вместе с крапивой. Ворьё.

– Вот сукины дети, – осудил Артемьев. – Ленин, бывало, убеждал: не надо бояться человека с ружьём. Теперь человека с наганом перестали бояться. Дожили.

Когда участковый поставил колесо, Артемьев окликнул:

– Павлыч, дело – делом, а душе – отгул. Заходи, отведаем моего первачка.

– За самогоноварение своя статья.

– Да будет тебе комиссарить, заходи.

Стол был накрыт. Сели, никуда не торопились, беседовали о житейских трудностях. После второго стакана предрекли погибель России, которую доконали олигархи.

ДЖЕНТЕЛЬМЕНЫ

(рассказ майора)

Иду я как-то по Волховской улице, а был в форме. Смотрю, выходит из дома подвыпивший, садится за руль «Москвича». Я к нему: «Стой». Говорит: «Что тебе, капитан?». «Водительское удостоверение». Достает. «Вылезай», – говорю. Пытается ехать. Я его выволакиваю, заламываю руки. Тут к нам подходят женщины в рабочей одежде, строители мехколонны. Заорали:

– Ты за что ему руки крутишь? Он тебя трогал? Мы все видели.

Одна меня за рукав тянет, другая сбила фуражку, третья – сумкой по спине. Шепчу ему: «Хлобысни одну хорошенько, отдам твои права. Он кивнул и б-бабах одной, да другой по шее. Еле оттащил. Возвращаю документы, отхожу в сторону. Тут его заступницы запели по-другому:

– Зачем ты его отпустил. Мы пойдём к начальнику. Ты такой же, как и он. Змей, Мильтон.

Я сел за руль, довёз мужика до гаража. Разошлись друзьями. Теперь как увидит, шумит:

– Привет, капитан.

Я давно майор, а он всё по-старому: капитан.

СВЯТАЯ НАХОДЧИВОСТЬ

Как-то наблюдаю я такую комедию.

Прошел теплый дождь. На автобусной остановке толпа. В сторонке около лужи стоит, пошатываясь, подвыпивший – средних лет доходной мужичок, стрекулист. Проезжает милицейский «воронок», подворачивает на обочину. Выходят двое служивых, берут сердешного под руки и повели. Из толпы крики: «За что? Он вам мешал?»

Оставьте его». Стрекулист покорно идет к машине, но вдруг резко рванулся и – к луже. Плюхнулся в нее животом, перевернулся на спину, раскинув руки, и пригласил: «Берите».

Под смех толпы милиционеры остановились перед ним в растерянности. Один махнул рукой, и они пошли к машине, а вослед им кто-то одобрительно свистнул. Стрекулист встал, с его одежды стекало; он защитил себя и не затронул честь милиции.

Подошел автобус, толпа рассосалась. Последним попытался втиснуться стрекулист, но на него зашумели: «Куда тебя черти несут, вон отсюда. Извозился как свин».

Дверцы сошлись, автобус тронулся. Стрекулист примирительно махнул вослед, будто благословил, и пошел по тротуару.

КРИМИНАЛЬНАЯ МОРКОВЬ

В конце третьего квартала начальник страховского райотдела милиции Кособоков был взволнован падением процента раскрываемости преступлений. Пошли окрики из УВД. Несколько дерзких ограблений и убийств оттянули силы опытных розыскников, а криминал накапливался день ото дня. Кособоков шумел, требовал, да всё это мало тревожило подчиненных. Время смутное – всюду недоработки.

Однажды, проезжая мимо убранного и уже вспаханного морковного поля, Кособоков увидел с десяток людей, которые собирали оставшуюся морковь – те самые десять–пятнадцать процентов вечных потерь урожая. Его осенило вызвать по рации наряд милиции, чтобы составили на всех протоколы. Вызвал, а сам вернулся в колхозную контору, к председателю. Тот сказал, что собирать морковь вторично никому не запре-

щается, потому что перерабатывающий завод не справляется даже с той, что завезена; так пусть уж лучше люди пользуются, даже при Сталине свободно копали картошку по весне.

Кособоков упрекнул председателя в бесхозяйственности и потребовал у него справку о том, что вспаханное поле всё-таки будет убираться, а стало быть, расташиловке не подлежит. Как ни мялся председатель, а вынужден был дать такую справку, дабы не обострять отношения с милицией.

Вызванные по рации сотрудники отловили двенадцать расхитителей, на них были заведены уголовные дела по статье за одноразовое мелкое хищение общественной собственности. Поймали расхитителей на второй, третий день. Судили их конвейером по самому мягкому пункту уголовной статьи, со штрафом. Больше всех возмутился парень-афганец. Он даже сорвался на грубость («менты-пидары»), но судья простил, учтя нарушение его психики и военные заслуги.

На совещании по итогам работы в третьем квартале Кособоков докладывал о семидесяти трёх процентах раскрытых преступлений, а это выше среднеобластной цифры.

САМОГОННАЯ СТРАДА

В разгар весенних посадочных работ в деревне Каменке изымали самогон, а без него в хозяйстве не посеешь и не пожнешь. У деда Гаврилова брага «гуляла» вторую неделю, запах улавливался на веранде.

В ясный полдень к нему прибежала соседская девчонка, предупредила: по домам шастают милиционеры. Дед растерялся, фляга ведь не иголка, в сено не спрячешь. И вдруг осенило. Берет тачку – двухколеску, на которой во-

зил воду, ставит на неё флягу и покатил к колонке. Навстречу ему УАЗ-«буханка» с двумя милиционерами. Притормозили.

– Гаврилов, у нас самогонный отлов. Торгуете.

Веди в своё имение.

– Ищите, хозяйка вам все покажет. Ваши заботы.

Потоптался около колонки, поговорил ни о чем с встречными сельчанами. Наконец сыщики вышли из его дома. Подъехали, оценили:

– Ну и ловчач ты, Гаврилов. Запах остался, а сама испарилась.

– Значит, плохо искали. А вообще – то, братки, в другой раз приходите с документами на обыск, согласно Конституции, пора вам отвыкать от такой самодеятельности. Я тоже не лыком шит.

– Как скажешь, будем стараться, – съязвили менты.

Гаврилов погнал двухколеску к дому, поставил флягу на место и заботливо укрыл тряпьём.

ВЫКУП

(Рассказ соседа)

Когда я достраивал дом на Зароцинской улице, часто привлекал электрика Андрея. Он был разведен, жил один, ну а заработки употреблял в основном на питейные нужды. Последний раз взял на «пузырь» займы, пообещал придти на второй день и довести дело до конца. Не появился, подлец.

Как-то утром залаял кобель. Гляжу – у калитки Андрей и низкорослый милиционерик с завернутыми нулевыми погонами. Выхожу. Андрюха говорит:

– Степаныч, спасай, нужна полсотня. Вчера встретили менты: «Ты пьяный».

«Ну, выпил, – говорю, – а почему это вас так волнует?» А они: «Ах, ты еще разговариваешь?» Устроили на ночлег в вырезатель. Утром заставили звонить, искать деньги. Их там в штате шесть человек, всех кормить надо. И поить.

– Договоришься, схлопочешь десять суток, – пригрозил служивый, но Андрюха – молодец, не растерялся:

– Знаю, – говорит, – составите протокол: выразался, не реагировал, оказал сопротивление, оторвал погон. Это вы можете.

В общем, оттянул его Андрюха по всем правилам – и опять ко мне:

– Степаныч, я отработаю, отдай ему, раз просит.

– Вот доделаешь под приглядом милиционера, тогда и получишь, – говорю ему, чтоб подчеркнуть казенное самодурство. Милиционер – в амбицию:

– Ещё чего, буду я его тут караулить, дорого обойдётся.

Вынес я деньги, дал напутствие служивому:

– Скажите своему начальству – пора отказываться от чеченского опыта.

А тот вывернулся:

– Ничего подобного. Там – криминал, а тут – рынок. За все надо платить.

Вослед ему вяло гавкнул кобель. Совершенно бесплатно.

ГАРАЖНЫЕ ЛЮДИ

Жорка хил, мал ростом, но криклив и петушист. Когда он узнавал о новом повышении цен на бензин, на папиросы, на водку, то под пьяную руку требовал расстрела, ви-

селицы, резания на части высшим чинам. В знак уважения к старым временам, когда год за годом снижали цены, он пристроил в гараже среди подвешенных камер, прокладок, фильтров цветной портрет Сталина.

Спиртное в том или ином виде гаражная братия всегда находила, не хватало денег на закуску. Хмелел Жорка после первой-второй рюмки, начинал ругать правительство, президента и непременно повторял фразу: «Сталина бы на них». Если ему поддакивали - успокаивался, если возражали - заводился, но драться по причине своей тщедушности был не в силах. В знак непримиримости выбрасывал последний козырь - перед портретом снимал картуз де-голлевской формы и произносил примерный монолог, доходя до истеричности:

– Отец, поднимись ради бога. Нет сил моих больше смотреть на этот бардак. Наведи порядок в стране дураков, на тебя вся надежда.

В завершение Жорка целовал отца Иосифа в буйные усы, не стеснялся слёз. Кампания продолжала свои разговоры, не обращая внимания на привычную сцену. Если здесь был самый пожилой из автолюбителей по прозвищу Аксакал, побывавший в лагерях за то, что не подписал благодарственное письмо колхозников товарищу Сталину, то он поддерживал Жорку, опираясь на мысль, что Сталин не знал о безобразиях на местах, ибо ему забивали буки вот такими фальшивыми письмами.

Однажды Жорка поведал Аксакалу с глазу на глаз тайну, давно всем известную: жена загуляла. Тот попытался утешить, что слухи могут быть ложными, но Жорка знал, что говорил. После этого сказать им обоим было нечего. Жорка опустил на колени перед портретом и, против обыкновения, заговорил, приложив руку к груди:

– Родной Иосиф Виссарионович, знал бы ты, как тяжело жить. Поднимись, дорогой человек, погляди, что тво-

рится. Нету порядка без твоих законов. Ох-ох, с-сука, не прощу я ей...

Аксакал тихо вышел из гаража, а Жорка остался здесь ночевать.

ЛИФТ ДЛЯ ДУРАКОВ

На второй день свадьбы, как бы подводя итог этому торжеству, самые близкие родственники жениха и невесты из столовой пошли посмотреть видеокассету - кому ж не хочется посмотреть на себя взглядом объектива. Но тут случилось ЧП. Часть кампании застряла в лифте. «Пленники» сначала громко шутили, хохоча и подначивая друг друга, но по мере того, как вызов лифтёрши всё больше казался бессмысленным, шутки стали затухать. Первыми зароптали женщины, застучали в дверь.

– Эй, кто-нибудь там, найдите лифтёршу.

Пришли на помощь свадебные, послали за лифтёршей.

– Господи, мне уже дурно от вашего перегара, – сказала в сердцах пожилая женщина.

– Тут не до этого, у меня желудок расстроился – нет спасу, – отозвалась молодая и крикнула:

– Черти полосатые, где вы?

Захныкал ребёнок-девочка лет пяти.

– Чтoб она сгорела, эта страна дураков, – нервно выкрикнула дама в шубе из шкуры степного волка. – Когда ж кончится эта идиотская демократия. Жить стало тошно.

Наконец пришла лифтёрша.

– Чего галдите? Вы что, порядка не знаете? Набились, как селёдки в банку, а теперь кто-то вам виноват?

Она то поднималась по лестнице вверх, то опускалась к себе в лифтёрную, и даме в шубе показалось, что умышленно затягивает время.

– А вот посмотрите, – сказал один из уравновешенных мужчин протрезвевшим голосом. – В стране дураков сто сорок семь миллионов, если верить статистике. И только мы тут, семь человек, самые умные. Я-то, старый пердун, зачем сюда полез? Вот, читайте: грузоподъёмность триста пятьдесят килограмм. А у нас тут все пятьсот.

На несколько секунд все затихли. И тут лифт взвыл, пошёл вверх.

– Слава богу, поехали, – сказала женщина с расстроенным желудком.

ЖГУЧАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Когда бездетная тётка Олимпиада похоронила мужа и вынуждена была со своими хворями переехать в другую деревню к младшему брату, её устроили в старую хатёнку, сложили печку и она так притёрлась к тёплым кирпичам, что совсем перестала выходить на улицу. Для больных суставов сама нашла облегчающее средство – йод, а он заглушал все другие запахи. Свежему человеку трудно дышать в её доме, а для неё тут был свой микроклимат. Однажды вывели её на солнышко, но от чистого воздуха ей вдруг стало дурно. Так и жила она год за годом в своей душной келье.

На печке Олимпиада как рыба в воде. Память у неё светлая, воспоминания бесконечны. Если кто зайдёт проведать – выберется, отягощенный её прошлым, не скоро. Однако собеседников становилось у неё всё меньше.

Любит Олимпиада рассказывать про покосы, которые были лучше нынешних праздников, про мужа, который поколачивал её из ревности, про тёплые давние лета и ча-

стенка поругивает нынешнюю погоду, нынешние порядки. Вклиниться в её монолог было тяжело.

– Теперь никто никому не указ, распустились люди, не почитают бога. От того и все болезни. Сколько люду страдают от высокого давления. Бывало хоть воши высасывали дурную кровь...

Олимпиадина племянница больше всего боится вшей и часто меняет старухе бельё, создавая ей тем самым неудобства.

ЧЕРЕПНАЯ ТРАВМА

В начале восьмидесятых годов развитой социализм с самым человеческим лицом был в зените. Даже частая смена вождей не вызывала опасений.

Городок Страхов жил тихо и умиротворённо, время от времени вздрагивая лишь от злостных убийств (был случай, когда ревнивая жена отрезала мужу половой член), от аварий с многочисленными жертвами (например, пьяный водитель грузовика наехал на толпу у остановки), или от судебного процесса над каким-нибудь чиновником, который «вышел за рамки воровского приличия».

Люди дружно собирались на митинги в честь открытия памятников.

1 Мая и 7 Ноября выходили на краснознамённые шествия, демонстрируя и преданность компартии, и свои лучшие одежды, добытые в скандальных очередях или в магазинах с блатного хода.

Но однажды город был потрясён особенным, чрезвычайным событием. Утром жители увидели на стене дома в центре города жирную надпись: «Долой коммунизм», а это куда печальнее, чем скажем, известие врача: «Крепись,

твоя мать неизлечима». Если ещё учесть, что гласность была под негласным запретом, то слухи зароились фантастические. Преобладала версия, что протестная волна прошлестела по всей стране, и подобные надписи появились якобы в каждом городе.

Переполох был великий. Войска к городу Страхову, правда, стягивать никому не пришло в голову, но кагэбешников понаехало множество, целую неделю процеживали население. И очень спецорганы боялись, что ненавистник коммунизма не свой, а залётный. Но, слава богу, оказался свой. Как и предполагали, с вывихнутым сознанием. Сам позвонил в милицию из автомата и сказал: «Придурки, вы там сидите, а на доме новая надпись». Засвеченный голос – это уже провал.

Молодого человека нашли и отправили в психушку на лечение коммунистическими прививками, а это, как свидетельствуют страдальцы, весьма мучительная процедура.

Молодой человек с модной фамилией Клячкин никак не тянул на диссидента. Окончив с горем пополам профтехучилище, по специальности работать не стал. На заводе освоил новую профессию, но получил, на своё горе, травму головы. Как объяснили народу, в этом и была вся причина его агрессивности. На заводе это ЧП документами не засвидетельствовано, трамву скрыли, бросив Клячкину «подачку», пообещав горы золотые, но прошло время, а он ничего так и не получил. У него стало дергаться веко, затормозилась речь, но всё это объясняли ему как врождённое. Бесплезно походяв по инстанциям, он и решил сделать вызов властям: «Долой...»

После ареста он рассказал, как наслаждался разговорами горожан на второй день после ночной вылазки с краской и кистью. Посидел в кафе, побывал в библиотеке, постоял в очереди за молоком. Люди судачили, но были осторожны в суждениях, о сути лозунга говорили уклон-

чиво. Только один старик в очереди за молоком ляпнул без оглядки: «А что, человек честно высказал своё мнение».

Когда Клячкин вернулся из психушки, он повесил на стене портрет Сахарова – диссидентского заступника и освободителя, а партия Возрождения приняла решение прибить табличку: «В этом доме живёт А.М. Клячкин. Он первым в городе подал голос против античеловеческого коммунистического режима, за что и был репрессирован».

Правда табличку, после острых дебатов, новые власти не утвердили.

Клячкин рассказывал в печати о своих перемещениях в психушке, о врачах–палачах, подорвавших его здоровье. Его окружили разными льготами. Когда завершилось строительство дома, где Клячкин должен был получить благоустроенную квартиру, он умер. В отличие от пышных похорон местного мафиози, его похороны были тихие. Один из процветающих в бизнесе демократов, вытирая увлажневшие очи, сказал у могилы:

– Дорогой Алексей Михайлович, все тебе желают царствия небесного.

А я желаю земной памяти о тебе.

СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА

За околицей деревни Журавичи обосновались в палатках военные. Дед Фёдор обрадовался такому случаю, пришёл к ним с просьбой забить бычка. Спецов по этой части, правда, не оказалось, но выход нашли быстро – воспользоваться толовой шашкой.

Для начала поспорили, сколько же надо тола для такой цели? Сто, двести граммов? Бык выглядел внушительно, и потому подстраховались, сошлись на двухстах.

– Дак это... уместна ли такая штука? – засомневался Фёдор.

– Э, старина, ни бога не прогневим, ни быку мучений, – заверили его. – Только пукнет.

Бык привязан был к колу на лужайке, и когда к нему подходили, почуял неладное, заволновался. Вместе с хозяином его стали уговаривать:

– Теля, теля, ну что ты испугался, дурашка. Это ж не больно.

Привязали к рогу пакетик с отростком шнура, зажгли. Шипение испугало телка. Он драпанул по кругу, вырвал кол и помчался к сараю. Солдаты гыгыкнули, но когда он влетел в сарай, растерянно переглянулись... Рвануло так, что вывалилась стена.

Командир батальона наказал виновных и распорядился привезти лесу, чтобы поставили новый сарай. Плотники в батальоне были. А мясо служивые не ели несколько дней, пока не восстановили дедову потерю.

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

1946 год. Засуха, голод. Тётка Акулина весной купила поросёночка. Рассчитывала потерпеть до Покрова дня, там и разговеться. А на нищету, известно, все несчастья. В июле поросёнок слёг, покрылся розовыми пятнами. Акулина посоветовалась с мужиками. Одни говорят: красные пятна страшнее чёрных, это похоже на сибирскую язву. Другие припугнули какой-то новой чумой.

Не стала Акулина ждать исхода, прирезала страдальца. А сало тонкое, нежное, разрывает душу. Но она строго наказала детям: от греха подальше, не трогать пока ничего не прояснится.

Глядь, по деревне идёт побирушка.

– Тётя, я аж с самого Мариуполя, не подадите Христа ради. – Обрадовалась Акулина, разговорилась с ней.

– Оставайся на ночлег, чем богаты, тем и поделимся.

– Да мне бы с собой. Две–три деревеньки ещё пройду до вечера.

– Оставайся, оставайся. Я сальца тебе отрежу. Поди, ноги гудят.

Осталась. Принесла ей Акулина сала, странница тут же и съела, не веря такой щедрости. До ночи рассказывала про украинскую голытьбу. Утром встала, свежа как огурчик.

– Тётя, на дорожку не отрежете кусочка?

– Нет, голубка, не прогневайся. Мужик на фронте остался, а их у меня четверо. Я уж и так тебя пожалела. Вот когда назад пойдёшь...

Когда та вернулась, жива и здорова, отрезала ей Акулина ломтик, проводила и собрала за стол ребят. Давай они трескать сальцо без хлеба.

Выжили с божьей милостью.

Когда тётка Акулина вспоминала это, в самый переломный момент рассказа она издавала такие звуки, что трудно было понять: смеётся или плачет.

СЛЕЖКА

У директора зверофермы Кукушкина супруга выезжала в санаторий дважды в год с диагнозом «сердечная недостаточность». Однажды его хороший друг Лобзиков ока-

зался по служебным делам в том городе, где лечилась стройная мадам Кукушкина, и увидел её на вечерней прогулке с хахалем. Вернувшись домой на третий день, Лобзиков сообщил другу такую новость, но тот не выразил никаких эмоций. Лишь несколько раз вяло повторил:

– Не может быть. Ты, случаем, не обознался?

– Хорошо, если считаешь меня прохвостом, можно уточнить. Там у меня знакомый, работает в угрозыске, я напишу ему – пусть пришлёт вещественное доказательство. Например, фотографию. Но ты ему в награду песцовую шкурку. Идет?

– Можно, – опять же вяло согласился Кукушкин. – Сделаешь?

– В лучшем виде. Напишу, что в санатории таком-то пребывает гражданка такая-то и она подозревается.

Едва Кукушкина вернулась домой, Лобзикову прислали письмо, где говорилось, как она себя вела, с кем общалась. И фотографии. Вот она в танце склонила голову на плечо усатого гусара, вот за столом в ресторане, вот целуются. А гусар этот работает в том же санатории завхозом.

Благодарный Лобзиков передал Кукушкину одну фотографию, со словами:

– Теперь хоть моя совесть чиста.

– Между прочим, и её совесть — тоже.

– Как? – опешил Лобзиков.

И Кукушкин поведал другу свою тайну. Уже несколько лет он страдает импотенцией – сказалась служба в ракетных войсках в ГДР. И именно его инициатива в том, чтобы супруга чаще бывала в санатории и нашла бы там постоянного партнёра. Ради семейной прочности.

– Какого же хрена ты дурачил меня, – возмутился озадаченный Лобзиков.

– Объясню: я её просил найти такого, чтобы выглядел лучше меня. Теперь вот убедился.

– Е-моё, – присвистнул Лобзиков, – целый детектив. А я-то, дундук, вязался в это дело.

– А при чём тут ты... В общем, за мной песцовая шкурка.

ЦВЕТЫ ДОНОСЧИКУ

Когда Сёма Конюхов стал работать бригадиром в колхозе, то нажил себе врагов. Однажды ему предъявили обвинение в связи с доносом двух односельчан. Там было сказано, что он с ненавистью говорил о Советской власти. Упекли Сёму в архангельскую глушь, там и пробыл всю войну.

Оба доносчика оказались на фронте. Один погиб, второй вернулся домой после плена и трёх лет лагерной жизни на Севере. Умер незадолго до возвращения Сёмы.

В первое время у Конюхова было желание испохабить могилу обидчику, но чем скорее, год за годом, приближался он к своей старости, тем больше убеждался в правильности поговорки: что бог даёт, всё к лучшему. В конце концов, стал думать о двух доносчиках с благодарностью, потому что из его ровесников во всей деревне осталось три человека, и он вот благодаря отсидке на тихом Севере наравне с ними любит солнышком и травкой, да сколько ещё будет любоваться – один бог знает.

В год своего семидесятилетия пошёл Сёма на могилку жены с буйными цветами. Всплакнул, чего раньше за ним не наблюдалось, и так расчувствовался, что решил ещё раз набрать цветов и отнести их на могилку довоенного обидчика.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Посланец командующего округом некий генерал делал обход войсковой части. Он осматривал двор, казарму, машинный парк, делал замечания, а сзади двигалась свита с блокнотами. У входа в караульное помещение стоял капитан Зоренко. Он доложил по всей форме и замер, оцепенев. Генерал оглядел его, бросил взгляд на пустой цоколь под фонарём и сказал игриво:

– Ну что, капитан, лампочку разбили и хрен с ней?

– Так точно, товарищ генерал, разбили лампочку и хрен с вами.

Генерал замер, ещё раз внимательно осмотрел дежурного с ног до головы и лицо его покрылось красными пятнами. Свита затаилась. И тут генерал, сообразив, прикоснулся к плечу офицера:

– Молодец, капитан, люблю находчивых. А лампочку вы всё-таки вкрутите.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – искренним тоном произнёс капитан.

Через два дня в части провели партийное собрание, где обсуждался, в частности, дерзкий поступок капитана Зоренко. Большинством голосов постановили: за грубость, оскорбляющую честь генерала такого-то, вынести капитану Зоренко строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Это постановление незамедлительно выслали в округ. А скоро оттуда позвонили и попросили выговор отменить: генерал был не гордым человеком.

Парторг части был рад потому, что не успел выговор оформить документально.

ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПОХОРОНЫ

Когда бабке Вере перевалило за семьдесят, господь будто прогневался на неё. Умерла старшая дочь, умер внук от заражения крови. Потом разбился на мотоцикле второй внук и неизлечимо заболела его мать, вторая Верина дочь.

Погибшего внука, самого любимого, попросила похоронить у себя в деревне и долго хлопотала об устройстве могилы, обивала порог колхозной конторы. Хотелось ей обустроить не хуже других – с оградкой, памятником, с фотокарточкой и надписью.

Охлопотала бабка Вера дело и поняла, что о ней самой теперь некому будет позаботиться. Наказала подружкам похоронить её рядом с внуком, приготовила даже фотокарточку. За магарыч попросила сельчанина и тот поручил сыну сделать табличку на заводе. Как ни отговаривали её, настояла, чтобы, не откладывая, укрепили табличку и фотку на памятнике, пониже внуковой фотографии. Надпись гласила: «Самохина Вера Савельевна. 1916–1992». А было это в 1991 году. Верила старуха, что в следующем году обязательно умрёт, и стала готовиться к этому.

О том, как готовилась, можно написать длинную историю с казусами. Например, приехавший в деревню учёный человек, которого Вера когда-то спасла на пруду, сходил на кладбище, погоревал о Вере, а когда увидел её около колодца, ошалел и весь вечер пил у матери успокоительные таблетки.

Пережила Вера наречённый год и всё жаловалась, что позабыл её господь. И появился у неё последователь, которому захотелось себя застраховать от близкой смерти. Раз-

ница лишь в том, что он табличку приготовил, но отнести её на кладбище не решился.

ДИТЯ КОЛЫМЫ

Мой знакомый по подъезду – исключительный аккуратист. Всегда чист, выбрит, в блестящих ботинках. Как-то в хорошем подпитии он встретился во дворе, пооткровенничал:

– Слышь, написал бы ты про меня историю, я ведь десять лет на Колыме был....

– Напишу, Иван Яковлевич, – говорю ему. – Ты в какую смену?

– Да я сторожу в СМУ, так что днём всегда дома.

На второй день захожу к гулаговцу. Поговорили о ценах, о картошке, которая пострадала от дождей. Наконец напоминаю:

– Ну, так я по поводу вчерашнего разговора.

– Извини, о чём говорили?

– О Колыме, где ты десять лет отбухал.

– А–а–а, ты не понял. Я имел в виду, с десяти лет работал в колхозе. Колхоз был такой же Колымой.

С кухни вышла супруга.

– Вань, что ты сбиваешь людей с толку.

– Да я про колхозы толкую. Настоящая тюрьма была. – Из-за спины хозяйки выглянула девочка лет шести, вмешалась:

– Дедушка на Сталина сказал: дурак. Его в тюрьму посадили.

– Во, слыхала звон. Она у нас шустрая, насочиняет, – стал оправдываться хозяин. Он убеждал, закрывая за мной дверь: – Не верь ей.

Как-то встречаю Ивана Яковлевича пьяненького.

– А ведь действительно десять лет отсидел. Только не за Сталина, а за грабежи. Учился в ФЗО после войны, попал в компанию жулья. Грабили магазины. А я был дохлик, в основном на стрёме стоял. Попались: они там замочили сторожа. Ну а говорил я, что репрессированный; внучке говорил... и вообще... Дело давнее: пацан был, а вот думается...

Однажды трое молодых избили, связали Ивана Яковлевича и утащили из-под замка стройматериалы. Воры эти попались, но Иван Яковлевич убеждал, что синяки он пристроил себе сам и связали его по его же просьбе. «За чем их добивать, они же меня не убили», – говорил он.

КОМПРОМИСС

Бригада строителей специализировалась на обустройстве крыш. Кроме хороших заработков, не облагаемых никакими налогами, эта тройка имела солидный доход от воровства стройматериалов у хозяев, особенно у тех, кто беспечен или некомпетентен в строительстве. Тащили гвозди, скобы, железо, доски. В милиции знали приём похитителей, но разоблачить не могли; те действовали мудро и были неуловимы.

Как только стройматериал оставался не под замком или замок был хлипкий, срочно сообщали корешам, и те действовали в ту же ночь. Даже если бы воры и попались, они выглядели бы «одноразовыми» преступниками, а какой спрос с алкашей при безработице. Самим же плотникам попадаться никак нельзя, потому что в каждом доме, где они работали, что-то пропадало, а это уже организованная преступность.

Однажды, знакомый следователь Кошкин, упреждая очередное хищение, пришёл к владельцу строящегося коттеджа Пересыпкину.

– У вас работают такие-то люди? И пока ничего не пропадало?

– Да вроде бы нет, не замечал.

– Значит, пропадает. Но вы не ждите этого, возьмите инициативу в свои руки.

В общем, понял Пересыпкин, что эту тройку надо изобличить. И когда до конца работы на крыше оставался один день, он привёз хорошие доски, а дело было к вечеру.

– Мужики, может быть, стоит затащить доски в гараж? Или «потерпят» до утра?

– Я думаю, ничего с ними за одну ночь не случится, – ответил старший из них. – Обычно как воруют? Приглядятся, сговорятся, а уж через день-два заявятся. Это из практики.

Пересыпкин «согласился» с этим доводом. При первых звёздах сходил за ружьём и засел на веранде... В третьем часу ночи пришли четверо, все знакомые. Были самоуверенны, спокойно разговаривали.

– Хороши, заразы, – сказал один, ощупывая толщину доски. – Забираем вот эти восемь штук.

Пересыпкин прикинул: если потащат каждую доску двое, придут ещё три раза. Решил остановить при втором заходе, чтобы уж с полным поличным.

Две доски унесли, положили около шоссе в кювете – как видно, они действовали с машиной. Когда взялись за новые доски, Пересыпкин высунул ружьё в проём веранды и ахнул вверх. Все четверо присели и онемели.

– Ложись! Ложись! – приказал Пересыпкин, спрыгнув на землю. – Одно движение и бью в упор. А теперь встать, открыть калитку гаражной двери и всем войти туда.

Они безропотно исполнили приказание. Переспыкин набросил замок, сказал, что пошёл в милицию, но тут же тихо вернулся и затаился за углом гаража. Воры зашептались, стали колыхать дверь. Переспыкин понял, что пришли в себя, и заговорил:

– Господа воры, вы не против, чтобы я вас отпустил с миром? Так вот, включите свет, там бумага и карандаш. Укажите: кто вы есть сами и кто вас сюда навёл. Вас отпускаю, с ними разберусь. Опять же без уголовки, просто высчитаю из зарплаты. Итак, Лёня среди наводчиков ваших есть?

– Есть.

– Ещё двое кто?

– Сам знаешь.

– Тогда пишите: «Мы, такие-то, по наводке таких-то (указать фамилию, имя, отчество), занимаемся хищением стройматериалов в домах, где они работают по найму. В ночь с третьего на четвёртое сентября были пойманы Пересыпкиным Н.М. на месте воровства его досок». Распишитесь. Бумагу просуньте мне вот в эту щель между блоками фундамента. Отпущу в восемь утра, как придут ваши сообщники.

Воры сделали всё, как положено. Утром пришли строители и ошалели. Они расписались в ведомости на получение полтора миллиона рублей, но вместо денег получили избобличающие их документы. Потом по джентльменскому соглашению завершили работу на крыше. В конце дня Пересыпкин привёз им ящик водки.

Расстались душевно.

КУВАЛДА

(1990-е годы)

Закон есть закон. Когда же его нет, рождается закон неписанный.

Наше раболепие перед круглой печатью общеизвестно. А вот у коммерсанта Бадейкина не было не только документа с круглой печатью, но и расписки, которая, кстати, в юридической практике не почитается. Он просто-напросто отдал из рук в руки деньги своему однокашнику, барыге, а тот призабыл долг, который беспощадно съела инфляция. В конце концов объявил Бадейкину: «Так я же тебе вернул».

Тот не поверил своим ушам.

– Ты это всерьёз?

– Ну нет у меня денег, всё тебе отдал. Помнишь, ты был поддатый. Забыл, Павлыч?

А Бадейкин и вообще не выпивает. Затрясло его, как в лихорадке.

– Так-так, значит ты пошёл ва-банк.

– Хорошо, скотина. Будем действовать по-другому.

Добрые люди подсказали Бадейкину обратиться к известному в криминальных кругах человеку по имени Кувалда – он умел выколачивать долги в пользу пострадавшего, не запятнав себя «мокрым» делом. Приехал Кувалда к барыге и говорит:

– Господин Грач (он почему-то виновных называл грачами), моему другу Бадейкину ты должен миллион, так? Стоп, не перебивать, я слова не давал. Если через сутки не вернёшь долг, каждые последующие сутки будет нарастать 5% в день. – Он взглянул на часы: – Итак, время пошло. Гуд бай. Я дам мой телефон.

Кувалда вышел из офиса барыги и тот увидел в окно, как из иномарки выскочил громила, распахнул дверцу и пропустил вовнутрь Кувалду. Ошалелый барыга не сразу пришёл в себя. Утром второго дня он позвонил Кувалде и доложил, что его указание исполнил.

– Обращайся, если что, – посоветовал Кувалда.

БУНТ

Красавицу Прохоровну привёз Иван Андреевич с шахт в тридцать четвёртом году. Измождённая голодом, она так и не выправила здоровье, хотя муж оберегал её – за всю жизнь ни разу не вышла на колхозную ниву, хлопотала лишь по домашнему хозяйству. Он работал главным инженером МТС, директором РТС, председателем колхоза, так что жили в достатке. Был Иван Андреевич спокоен и уступчив, пил мало, тяготясь пустословием и развлечением, на затянувшихся гуляньях или свадьбах находил уютное место и дремал, ожидая пока жена напляшется.

Прохоровна была общительна, остра на слово. Ценила мужа, но побранивала незлобливо. Братьев-сестёр его, молчунов, недолюбливала, а они отвечали тем же. Особенно обнажилась взаимная неприязнь, когда Прохоровна привезла с родины старшую сестру и пришлось строить хату.

Если жаловалась Прохоровна на боли в печени и другие хвори, Иван Андреевич советовал не обращать внимание, заверял, что законные восемьдесят лет она проживёт.

В свои последние месяцы напоминала мужу, чтоб положил её на кладбище рядом с сестрицей. Он то отшучивался, то слабо протестовал, боясь оказаться в царствии небесном оторванным или от жены, или от родных. Про-

хоровна подстраховалась, написала дочерям и дала им свой наказ.

Приехав на похороны, они выбрали момент, спросили отца, где же он решил похоронить мать.

– Где решил, там и будет. В нашем углу.

– Но воля мамы, она же просила, пап...

Старик промолчал. Они напомнили ещё раз. И тут он ударил по столу:

– Нет, не будет этого! Всю жизнь прокомандовала, хватит!

Это был первый бунт в его жизни. И похоронили Прохоровну в том углу, где хотел Иван Андреевич. Простит ли она, не простит – кто узнает.

ПОДАРОК ЮБИЛЯРУ

После открытия магазина автозапчастей отмечали сорокалетний юбилей владельца в его двухэтажном доме. Подарки, цветы, речи. Один из гостей говорил витиевато, но конкретно выразил себя тем, что вытащил из кармана в подарок гранату–лимонку. Все затихли: натуральная или муляж? Но, судя по тому, как юбиляр спокойно принял подарок и понёс его в другую комнату, стало ясно: это розыгрыш.

На второй день утром юбиляр встал с трудом. Плеснул в стакан, выпил. И тут кто-то позвонил в дверь. Выходит на порожки – перед ним трое крутолобых, а сзади иномарка. Один говорит:

– Старина, ты хорошо устроился. Но надо платить. Первый взнос – двести баксов. Далее помесечно по сотне.

– А кто вы такие? – гневно спросил опохмелённый хозяин.

– Когда платишь: сейчас или потом? – был ответ.

– Не люблю долги, – сказал юбиляр и пошёл в дом. Вернулся, вынул из кармана лимонку, обнажил её на ладошке.

– Дёрнуть колечко? – спросил совещательным тоном.

Рэкетеры шарахнулись к машине, нырнули в неё и помчались прочь. Юбиляр вернулся на кухню, сказал жене:

– Зачем мне нужны эти люстры, вазы и всё остальное. Вот вещь! – Он положил на стол гранату.

– Господи, – сказала она, – до чего дожили. Унеси от греха.

ЖЕСТОКИЙ ПОЦЕЛУЙ

(Рассказ артиллериста)

Я кадровый офицер–артиллерист, в Отечественную прошёл от Равы–Русской до Москвы и обратно, до рейхс-канцелярии, а самое памятное — от Финской. Может быть, потому, что был молод?

Помню, везли нас, раненых, из Петрозаводска. Пока эшелон стоял в Ленинграде, старший лейтенант послал медсестру к жене, его дом был недалеко от вокзала. Он звал жену княгиней Волконской. Так и сказал медсестре: спроси Волконскую. Она была артистка.

Через полчаса прибежала красавица–княгиня. Плакала и приговаривала: «Коля, Коленька, живой». Сначала они говорили громко, потом перешли на шёпот. Вдруг слышу оглушительный женский визг. Прибежали медики. Смотрю, ведут Волконскую, руки её прижаты к лицу, из-под них кровь. Никто не понял, что случилось. Мы – к лейтенанту. Он молчит, как онемелый. Гадаем, строим предположения. Помню, один сказал: сама порезала, чтобы быть на равных.

Поехали дальше, на Вологду, стали расспрашивать старшого, и вот что он рассказал. Женат с тридцать шестого года. Она работала в театре. Детей не хотела, всё откладывала, берегла фигуру. Любили друг друга до безумия. Он ей о ранении не писал. И вот такая история: ранен и обморожен. Она приподняла его шинель, а ниже пояса бинты, замотан весь таз. Конечно, поняла, что он уже не мужик. Говорит: «Коля, как же мы теперь? Давай не будем друг друга тревожить, разойдёмся и останемся друзьями».

Он заплакал и всё молчал. Когда собиралась уходить, попросил её поцеловать последний раз. Только наклонилась, он прижал к лицу её лицо и разорвал зубами нос.

Солдаты в вагоне одабривали: «правильно, старшой, нашла время разводиться. Ты её ранением не стал расстраивать, а она, падлюка...»

Не берусь судить, кто из них более жесток. Тогда казалось, что больше виноват он, а когда я прошёл Отечественную, осуждать его не мог. Трагедия войны – это трагедия и отдельного человека.

Я так жалел, что не взял адрес этого лейтенанта. Почти четыре года воевал с немчурой, бывал на волоске и не раз думал: что же с ним стало? Наверное, инвалидность была им обоим к лицу. Ему – физическая, ей – нравственная. На равных.

ДЕД ЛЕНИН

Состоятельного мужика Андрона Кубышкина в начале двадцатых годов прозвали Лениным за наглость и авантюризм. Знали, что на его совести два убийства, но никто не мог доказать это, да никто и не старался, зная его связь с

властями. У Андрона всегда был запасец хлеба, мёда и прочих яств.

Нашлись люди, сожгли его маслобойку и дом. Кое-как восстановил Ленин домишко и поехал на заработки в Донбасс. Там благодаря своей грамотности и наглости пристроился в конторку, а через год забрал семью.

Когда стали хватать врагов народа, в том числе и начальника шахты, зацепили и его, Кубышкина. На первом же допросе Андрон прояснил дело:

– Вы зря думаете, что я враг народа, меня в деревне звали Лениным за справедливость и почитание власти. Спросите, где живёт Кубышкин, вам не каждый ответит. А дом Ленина укажет любой пацан. Меня и сожгли кулаки как своего врага.

Представитель органов побывал в деревне и убедился: Кубышкина действительно звали Лениным, в самом деле и сжигали. А за что? Известное дело, за справедливость. Кто ж скажет, что Лениным звали за наглость.

В тридцать шестом Кубышкин выкрутился, а в тридцать седьмом году пришла его кончина. По какому-то случаю спустился в шахту, там его и пришибло. Пришлось семье возвращаться в деревню.

Послевоенные ребятишки знали, что жил когда-то в деревне человек по кличке Ленин, а хорошо это или плохо, что так звали, понятия не имели.

ВОЙНА И КИНОМЕХАНИК

Подростком пошёл я в райцентр. Помню, на столовой висел плакат в честь трёхсотлетия воссоединения Украины с Россией. Значит, было это в 1954 году.

Ноги занесли меня в суд, где слушалось дело. Обвинялась крестьянка, которая сделала аборт. Подробности забылись, но хорошо помню, что её любовником был наш киномеханик, по-деревенски – киношник. Он дружил с моим старшим братом, часто пропускал в кино бесплатно и казался святым человеком. Из-за того я и зашёл в суд, что знал по слухам о его причастности к горю этой женщины.

Киношника в зале не было. Она стояла перед судьёй угнетённая, в отличие от иного наглого грабителя, отвечала вяло и отрешённо. Люди в зале шикали и гневились, осуждая её, а я никак не мог определить, кто же больше виноват: он или она? И почему он не в этом зале?

Когда вынесли приговор – три года заключения – и все стали выходить, пожилая женщина сказала со вздохом:

– Ох, война проклятая, погубила мужиков.

– Сиди ты, Даш, сваливаем на войну всё подряд, – отозвалась её ровесница. Осуждённую повёл милиционер, а мне подумалось, что одинаково виноваты и война, и киношник. Потом решил: нет, больше виноват всё-таки кто-то третий или даже четвёртый.

Теперь вот думаю: миллионы солдат виноваты, что попали в плен, миллионы их невест виноваты, что не смогли восполнить людские потери, на которые в войну верха не скупились, а если взять сельчан, то все они виноваты, что жили беспросветно.

НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В строительно-монтажном управлении случилось ЧП. Нет, не рухнула крыша образцового здания, не сошёл с рельсов кран, не погибли люди. Уважаемый бригадир Малышев, награждённый за ударный труд правительственной

наградой и обласканный партийной властью, обкатывал новенький «Москвич», купленный вне очереди, по неопытности сбил мотоциклиста. Виноваты были оба, но пострадавший всегда прав, а он получил, как выражаются следователи, тяжкие телесные повреждения.

Кажется, дело шло к примирению. Малышев обещал помочь пострадавшему финансами, да воздействовали и звонки из райкома партии. По общему мнению, Малышеву грозило 2–3 года «химии», то есть отработки этого срока на своей же стройке. Но начальнику СМУ Морякову это казалось несправедливым. Он вызвал председателя стройкома Аристову, велел ей собрать документы, свидетельствующие о высоком авторитете Малышева, и они поехали в суд в областной город, куда было передано дело по факту аварии. По стечению обстоятельств, уголовное дело рассматривал добрый лысый толстячок Шлыков, который работал когда-то юристом в СМУ. Он был известен тем, что из ревности определил свою молодую жену-красавицу на время в психбольницу, застраховавав от жадных мужских взглядов.

Приехали ходатаи к родному судье, обнялись, выложили из профсоюзной папки важные документы. Говорили как братья–сёстры, удивляясь стечению обстоятельств, и расстались в уверенности, что суд станет пустой формальностью. Но все добрые намерения изменили неосторожные заключительные фразы начальника Морякова:

– А вот представьте себе, Павел Петрович, что этот человек попадает за решётку. Ну, скажем, в Шахово. Мастер на все руки, а стал бы шить там рукавицы. Какая ж тут справедливость... Если вам понадобится, он в любое время пришлёт хоть маляров, хоть каменщиков.

Состоялся суд. Шлыков вынес такое решение: три года тюремного заключения. Когда по горячим следам расстроенный Моряков поехал проведать своего любимчика бри-

гадира, то не застал его в СИЗО. Выяснил через знакомых: заключённый Малышев работал на строительстве дачи у судьи Шлыкова. Потом строил дачи и отделявал квартиры под «евроремонт» у командиров из УВД, облпрокуратуры, обкома партии и довольствовался, тем, что по выходным его иногда отпускали домой.

Работы хватило на все три года, ведь выполнял он её обстоятельно, с уважением к своей профессии.

КОММУНАЛКА

В трёхкомнатной квартире жили две семьи. Вернее, одна семья, занимающая две комнаты, и одинокий, позабытый детьми полковник в отставке, который пил, не закусывая, по две-три недели. Своим поведением он терроризировал соседей до тех пор, пока у вдовы Агеевны не вошли в силу подростки-сыновья, а у них было много друзей. Когда полковник срывался и бузотёрил, соседи вызывали милицию. Он обещал исправиться.

Однажды сын Агеевны, Эдик, пришёл из школы и не смог открыть дверь – она была поставлена изнутри на защёлку. Он звонил, пинал, кричал, но в ответ ни звука. Подумал: допился. Вызвал с работы мать. Агеевна примчалась, перекрестилась: «Бог человека дал, бог его и взял. Срываем замок».

Замок сбили. Эдик вбежал в комнату полковника и, увидев его на полу с раскрытым ртом, воскликнул:

– Ур-ра, готов!

Агеевна бросилась звонить в милицию, но тут «покойник» поднялся с пола.

– А, твари, обрадовались? – Он показал диктофон. – Прокручу где надо. Тут всё записано.

Через две недели полковник умер. Соседи дверь сбивать не стали, вызвали милицию. Когда вошли, подумали, что живой: сидел на кровати с улыбкой на лице и с закрытым ртом. Никто не почувствовал радости, хотя вся квартира принадлежала теперь одной семье.

ЛЮБИМИЦА ДИНА

Я живу на улице Катюкова, а у нас на площади напротив тридцать пятого магазина всегда продают молоко из Мелыни. Самое дешёвое, да и жирность высокая. Выстраивается очередь.

Как-то подхожу, пристраиваюсь в хвост. Впереди стоит парень с молодым бульдожиком на поводке. Пёсик лежит на асфальте, греется на солнце. Тут подбегает капшиная дворняжка, заливается истошным лаем. Бульдожик не реагирует. Передо мной худенькая женщина увещевает:

– Дина, перестань. Он же тебя не трогает.

Дина умолкает, но через несколько секунд опять взрывается. Женщина говорит:

– Вот несчастная. Представляете, сколько вынесла. Девки из санэпидстанции травили бродячих собак и кошек. Зарыли и её. Так очухалась, выбралась. Потом на неё напала чумка. Тут её многие знали. Подкормили, принесли лекарств. Опять ожила.

А как-то милиционеры делали отстрел собачек. Пальнут, усыпят и везут с собой. Гляжу, подъезжают на «Козлике». Мы стоим в очереди, а Динка лежит в стороне. Один заболдуй приоткрыл дверку, пальнул. Она визгнула и бежать. Доковыляла до киоска, нырнула под низ. Другой мент махнул рукой, уехали. Отсиделась она, выбралась. Вон, женщины торгуют семечками. Кто принесёт хлеба,

кто – косточек. Да и мы, жэковские, помогали. Поправи- лась. После этого школьники над ней издевались. Пойма- ли, и давай железкой бить по зубам. Видите? Внизу два зуба – и оба шатаются, жевать не может. А у ней три щен- ка.

Пока очередь продвигалась, я слушал рассказ женщи- ны. Потом спрашиваю:

– А вы откуда знаете эту собачку?

– Так я ж говорю: работаю в ЖКО. Подметаем, косим траву.

Когда жэковская работница наполнила трёхлитровую банку с молоком, опять обратилась к собаке:

– Дина, пойдём, налью тебе в баночку. Пойдём, глупышка беззубая.

Они направились к киоску, где сидели женщины с се- мечками. А я подумал, кто же победит в этом эксперимен- те на выживание Дины: те или эти?

ТАНЦЫ НА ЩЕБЁНКЕ

Мэр города Страхова Шизофонов основательно гото- вился к выборам, чтобы остаться на второй срок. В по- следние недели нужны были дерзкие шаги, чтобы при- влечь общественное внимание к себе. Но время разрезания ленточек при сдаче строительных объектов давно закончи- лось, городская казна была пуста, не хватало средств даже на завершение многоквартирного дома, стоявшего не- сколько лет под крышей, но без окон.

Однако давний и угасший замысел строительства зда- ния новой гимназии вдруг снова высветился мэру заман- чивым пиаром. По иронии судьбы площадку определили рядом с этим недостроенным домом. Расчистили её, обо-

значили колышками. Подъезд от городской улицы тоже выправили, устлали бетонными плитами, а место для митинга засыпали щебёнкой. В день митинга с утра на углу площадки уже стоял бетонный «карандаш» под молотом.

Кавалькада машин разных муниципальных служб и областных посланцев к десяти утра подкатила к месту будущей стройки, из них высыпал чиновный люд. Здесь уже толпились учителя, учащиеся гимназии, любопытствующие страховцы, спецы с видеокамерами. Юные гимназистки в платьях-колокольцах по хлопку хореографа пошли хороводом, но каблучки увязали в щебёнке, и этот номер программы пришлось отложить. Выступили: учитель гимназии, выпускница, овладевшая тремя иностранными языками, девочка-первоклассница. Итоговым было слово Шизофонова с броской мыслью: достижения наших гимназисток не снились даже тургеневским барышням, нынешние выпускники встречаются с западными ровесниками и общаются на их родном языке.

И вот группа доверенных в строительных касках направилась в площадке. Человек в спецовке, стоявший около механизма, дёрнул за шнур. Молот нехотя ударил по бетонному столбу. Последующие удары казались мощнее, «карандаш» легко входил в землю, и всё это фиксировали пристрастные телекамеры. Последний удар отметили аплодисментами.

Когда разошлись, один строитель в жёлтой каске сказал коллеге:

– Проекта нет, а мы загубили материал. Пойду хоть соберу колышки.

Вечером по страховскому телевидению показали захватывающий сюжет о предстоящей стройке. Недостроенный дом в поле зрения телекамер не попал.

ГАДЮКА

Был у меня друг. В молодости, работая в научно-исследовательском институте, он облучился и с тех пор страдал лёгочным заболеванием, часто попадал в больницу. В пятьдесят лет он, способный инженер, ушёл с производства ради здоровья и стал административным чиновником. И вот этот больной человек не очень привлекательной наружности загулял с двадцатипятилетней особой. Подкупал он женщин своим остроумием и напускной грубостью.

Загулял как джентльмен. Жена – в истерику, так как для неё это было оскорбительным. Она считала, что делает мужу одолжение – терпит его внешность, больничные возлежания, капризы. Не знала тогда ещё законная супруга, что особа, которую он называл Моной Лизой, готова поселиться с ним в шалаше. И даже если бы ему было наречено прожить всего пять лет, считала бы за счастье провести с ним эти годы рядом.

Подарков возлюбленные друг другу не дарили, считали это дурной приметой. Лишь однажды, когда она опоздала на работу, он подарил ей миниатюрный будильник, который издавал бодрый писк. Она часто угощала его дешёвыми коричневыми пряниками, которые любил с детства и называл их жамками.

Жить раздвоенно было тяжело, но на развод он не решился, хотя взгляд Моны Лизы преследовал его – слишком многим он был обязан жене, родителям, детям. Да и законная супруга стала относиться к нему по-новому, осветлённее.

Однажды случилось ЧП, после скандала он попал в аварию, а с места события – в реанимацию. Жена, сидевшая у кровати с печальным видом, казалась посторонним

человеком, он подолгу не открывал глаза. Врач сказал, что всё решит третий, кризисный день, и поинтересовался, нет ли у него в городе или где-то на стороне преданного друга, их встреча могла бы всколыхнуть, пробудить угасающий организм. И тогда она превзошла себя: нашла его особу, попросила прийти к нему в больницу.

Мона Лиза примчалась в тот же день. Вошла, щёлкнула будильничком. Палата наполнилась весёлым писком. Он открыл глаза, на лице выразилось удивление. Она смотрела на него напряжённо-гипнотически, как в подражание Кашпировскому. Наконец сказала:

– Хорошо устроился.

Он закивал в полуулыбке и тихо пригласил сесть. Несколько минут сидели молча, изредка поглядывая друг на друга. Наконец она сказала:

– Давай так: я пойду за пряниками, а ты жди. Хорошо?

Он кивнул и сжал до боли её руку.

Утром врач сказал супруге, что кризис миновал. Больной впервые без посторонней помощи встал, пошёл в туалет. На второй день супруга и любовница встретились в больнице.

– Гадюка, – сказала с презрением законная жена.

Другая ответила бы: «От гадюки слышу». Мона Лиза согласилась:

– Да, гадюка. Но мой яд целебный. Насколько мне известно, вы и сами лечились змеиным ядом.

ПОДСТАВА

Из обладминистрации прибыл в школу инспектор. Симпатичный дядечка при галстукe, с пышной шевелюрой. Сразу же пошёл в десятый «б» класс на урок истории. Физика, химия, литература далеки от политики, а вот ис-

тория Отечества... Революция, войны, власть, Дума... К тому же дело было накануне выборов Президента.

Учительница Нина Павловна представила гостя. Пригласила его к столу, обозначила начало урока.

– Как будем вызывать? На кого укажет палец? - пошутила она, кивнув на журнал.

Инспектор предложил:

– А давайте так: сначала первого по списку мальчика, а потом так же девочку.

– Хорошо, - сказала Нина Павловна. – Прошу Евгения Глумнова.

Встал высокий паренёк с тонкой шеей и прилизанной чёлкой. Вышел. Класс взволнованно заёрзал, и это настрожило инспектора. Глумнов отбарабанил. Инспектор спросил:

– Женя, ты телевизор постоянно смотришь?

– Конечно, новостями интересуюсь.

– Скажи, кто такой Ходорковский.

– Насколько мне известно, он владел нефтяными промыслами и украл много денег. Сейчас его судят.

– Но судили многих, если ты помнишь историю России. А потом они становились кумирами. К примеру, Солженицын. Ты не хотел бы оказаться на месте судимых?

Растерявшись на несколько мгновений, ученик ответил:

– Н-нет, не хотел бы.

– У меня больше нет вопросов, – сказал инспектор.

– Садись, Женя, отлично, – вдохновилась Нина Павловна.

Урок продолжался, отвечать вышла Аверина, первая из девочек по списку. Всё получилось, как и замышлялось. Когда прозвенел звонок, десятиклассники пошли в холл. Перед учительским столом один низкоросло-плюгавый толкнул другого, и тот рыкнул:

– Глумной, в лоб получишь.

Инспектор понял, что его надули; фамилия Глумнов - редчайшая, так что подставка налицо. Тот - высокий, с тонкой шеей, а этот скидух. Когда все вышли, инспектор спросил утверждающим тоном:

– Нина Павловна, а вы обратили внимание, что вместо Глумнова отвечал подставной?

– Подставной, - легко согласилась историчка. – Но я не хотела ломать их сценарий. Думаю, пусть будет так, как случилось. В конце концов, честь класса, школы, а не отдельного человека. Разборки - потом.

– Всё так, но если бы это было в каком-то безвоздушно-безлюдном пространстве. Они же все оценили, дома расскажут. Цель безнравственности.

– Понимаю, мы это обсудим. Я вам представляю протокол собрания.

Обговорили, доверились коллективному разуму.

На другой день в класс пришёл директор школы Иван Иванович Прохвятилов - сухой человек лет сорока пяти с женским голосом. Он директорствовал в сельской школе с двенадцатью учениками, но по-настоящему проявил себя здесь, в городе, на посту завуча. Иван Иванович повёл разговор с учениками на равных:

– Уважаемые, вы заварили кашу, подставили учителя, уж будьте мужественны её и расхлебать. Кто у нас староста? Глумнов? Вот на собрании обсудите этот случай из ряда вон и вынесете обращение в мой адрес. – Далее он дал направление: – Я не знаю, кто больше виноват: вы или Нина Павловна. Обсудите и вынесите обращение. Что же это такое: приехал человек из области – и такой прокол.

Десятый «б», не откладывая дело, обратился к директору Прохвятилову с просьбой простить коллектив за то, что бросил тень на честь школы, на авторитет Нины Павловны.

Конфликт был исчерпан. А Глумнов, которого тянули на золотую медаль, сожалел, что не назвал Ходорковского своим кумиром. По поводу этого он зубоскалил не только перед Ниной Павловной, но и перед другими учителями. И трудно было понять: откровенничает или дурачится. Другие отличники заискивали, их родители шли к учителям с подношениями, а этот подрывал устои школы и вредил своей карьере.

Директор Прохвятилов выразился: не той фигуре досталась голова.

ЗАПОВЕДАНО

В городке Климове жила старушка, которая не только лечила травами, но угадывала и предугадывала людям повороты в их судьбе. Летом ходила по двору босиком, раскатиисто хохотала и сколько бы ни пришло к ней с болями, со всеми обходилась, как с гостями или родственниками. Чутьё к природе она усвоила от своего отца, в молодости в партизанском отряде заживляла раны травами. А спустя много лет, когда её друзья–начальники ушли на пенсию, безбожно–бездушные чиновники нового поколения устраивали над ней судилище, как над шарлатанкой.

Помню, она говорила:

– Как же люди распустились, возомнили себя хозяевами земли. Ох, близко наказание господне, помяните моё слово. Нынешние болезни покажутся пустяком.

Удивительными увиделись мне жители этого брянского края, их характеры гармонировали с уникальной природой. Зять старухи, который спешил закончить до осени строительство дома, искренне уговаривал нас, приезжих, остаться ещё на денёк, обещал отвезти за грибами в сосновый бор и

организовать в заводи лов карасей и щук. Тогда мне подумалось, хорошо бы приезжать сюда больным из перенасыщенной центральной России на две–три недели, как в санаторий, чтобы в общении с природой и людьми выверить свою нравственность, установить душевное равновесие.

Я смутно верил предсказаниям старухи о наказании господнем, оно представлялось библейски–отдалённым, не угрожающим ни мне лично, ни детям моим. Но её слова сбылись уже через шесть лет, когда радиационный пепел осыпал тысячи квадратных километров. И первые удары разъярённый Чернобыль нанёс Климовским заповедным местам.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

(рассказ бывалого бухгалтера)

Один раз я чуть не погубил человека, до сих пор грех на душе. Работал со мной Семён Ефремыч Першиков. Мужик исполнительный, аккуратный, исключительно честный. Как-то продавец обсчитала себя на полтинник, так он до конца рабочего дня всё волновался, что могут о нём плохо подумать. Была у Першикова одна слабость – любил покупать лотерейные билеты, верил в дармовое счастье. Купит, запишет номера в тетрадку, а билеты положит в разных местах, чтоб в случае чего не все пропали.

Как-то приходит газета с лотерейной таблицей. Семён Ефремыч как раз в банке был. Думаю, дай похомулю, «сюрприз» ему сделаю. Достал его тетрадку и в середине столбика подписал номерок с «москвичёвским» выигрышем. Приходит Першиков со своей газеткой – и в стол. Один раз заглянул в таблицу, нахмурился. Другой раз – нахмурился. Смотрю, покосился на меня. Я с бумагами занимаюсь, но вижу, краска по лицу у него побежала. Спрашиваю:

– Что, Семён Ефремыч, выигрыши есть, да не про нашу честь?

– Да ну их, – говорит, – одно расстройство.

Я вышел покурить, чтоб он пришёл в себя. Смотрю, одевается: пойду, мол, пораньше на обед. Хлопнул дверью, а я к столу, но там ни тетрадки, ни газеты. Глянул в окно – идёт мой Першиков к остановке. Сначала так резво, потом тише, тише и совсем остановился, присел на корточках. Выбегаю к нему.

– Что с тобою, Семён Ефремыч?

– Ноги что-то не слушаются, проводи до остановки.

Что делать? Признаться во всём? Ещё хуже сделаешь. Останавливаю наш заводской самосвал, попросил, чтоб домой его довезли.

После обеда на работу он не пришёл. Думаю, не случилось бы чего. Вечером пошёл к нему домой, жена в слезах.

– Рехнулся наш Першиков. Говорит, легковую машину выиграл, требует какую-то лотерейку, а моя душа ничего не знает. Обзывать начал. Вроде бы я спрятала, с родственниками задумала разделить.

Я говорю ей: не может быть, чтобы наш уважаемый Семён Ефремыч из-за железки с колёсами мог обзывать. Тут он вышел. Растрёпанный, лицо серое, отёчное. Говорит: «Не надо мне никаких свидетелей, пошли все к чёрту». Вот это заварилась каша, думаю. Пришлось признаться, что тут моя проказа, так и это не помогло. Заступником меня назвал, хлопнул дверью.

Развёлся он на пятьдесят втором году, уехал в другой город к сестре. Ни знакомых, ни детей не послушал. Вот как ослепило человека, бес проснулся. До сих пор стыдно перед Першиковой. Она тоже не верит, что это была моя шутка.

БЮРОКРАТИЯ

Агронома из Мартьяновки провожали обучаться фермерству в Германию. В райкоме партии организовали по этому поводу доверительное напутствие в рамках бюро райкома, и отправился Дмитрий Клепиков в объятия земли Нижняя Саксония.

Об этом написали в газете. Потом было опубликовано письмо, в котором агроном рассказывал жене о немецком укладе жизни, о своих впечатлениях от поместья фермера-бауэра Иохима Кегеля; по истечении шестимесячного срока Клепиков и Кегель с супругой должны были приехать в Россию, чтобы здесь организовать совместную ферму и на плодородной почве сотворить высокие урожаи.

Кончился срок заграничной командировки. Приехал Клепиков на стареньком «Москвиче», который купил в Германии по дешёвке на заработанные своим трудом марки. Стал подбирать место для фермерства, объехал немало деревень, но всё было не по душе. Любопытным объяснял, что рутина и бюрократия связывают руки, и вся надежда была на Кегеля; вот приедет, тогда, может быть, пойдут местные бюрократы на уступки.

Но немецкий фермер не ехал. Дмитрий Клепиков ходил по кабинетам, объезжал деревни в поисках удобного места. В Агропроме запросили администрацию дружественной немецкой земли, и скоро оттуда пришёл ответ, что Кегель не может приехать в Россию, потому что его фрау загуляла с Клепиковым, и дело зашло так далеко, что готова была уехать с ним в Мартьяновку.

Не стал фермером агроном из Мартьяновки, устроился работать на завод. Много рассказывал о нравах немцев, к

нему часто обращались, чтобы то или другое перевёл с немецкого.

АВТОРИТЕТНЫЙ СИНЯК

Борю Минеева в городе знали многие. Был первым комсомольцем на заводе, передовиком, а судьба вышла каверзная. Работал на заливке, брызнуло металлом в глаз и потревожило какой-то нерв. Свихнулся человек.

Любил Боря прохаживаться по городу. Всегда в аккуратной одежде, застёгнут на все пуговицы и при галстукке, руки за спиной. Со знакомыми останавливаться на улице не любил, заходил поговорить в конторы. И всё о беспорядках, о нарушениях. Зайдёт на свой завод к главному бухгалтеру.

– Иван Васильевич, думаю к вам устроиться экономистом.

Тот ему:

– Боря, голубчик, в любой момент приходи. Для кого-то места нет, а для тебя всегда найдём.

Поговорят так – уйдёт довольный.

А то зайдёт в исполком помороковать о повышении производительности труда. Там все его выкладки примут к сведению, спасибо скажут. Или извинятся, если недосуг с Борей заняться.

Один раз идёт он мимо управления сельского хозяйства, а начальник управления Бирюков на порошках стоит, с председателем колхоза разговаривает. Боря остановился.

– Михаил Савельевич, что ж вы решили по моим рекомендациям насчёт урожайности? Думаете внедрять или нет?

Тому б сказать что-нибудь уважительное, пообещать, а он нахохлился, как индюк.

– Иди, иди, не до тебя.

– Я читал, вас избрали на областную конференцию...

– А что, привет там кому передать?

– Не поедешь ты, Бирюков, на конференцию, там бюрократов и без тебя хватит.

– Если непустишь – не поеду. Ха-ха-ха. – И опять с председателем о своём. Боря говорит:

– Не пущу. – И бух ему по глазу.

Переполох, телефонные звонки, милиция. Борю отправили в психушку, а Бирюков на конференцию так и не поехал из-за своего фингала, никому там не передал привет.

Через полгода, когда Минеев вернулся домой, Бирюкова повысили в должности, забрали в область, потому что он, в отличие от Бори, не очень интересовался повышением урожайности, а стало быть, никому не мешал.

РАЗВОД ПО–НАШЕНСКИ

Оператор котельной Гребешкова устала от склок с мужем из-за шашней с молодой любовницей, его подчинённой, а он работал на заводе начальником смены. Гребешкова установила её личность, домашний адрес и дала определение: вобла. Нашла её, строго предупредила, но это ничего не изменило.

Идти на завод и поднимать скандал Гребешкова не хотела, считала за унижение. Решила бить у любовницы окна. Нашла известного в городе шаромыгу с женским прозвищем Лёлик. Он согласился бить столько раз, сколько потребуется, но с оплатой в арифметической прогрессии, начиная с бутылки: одна-две-четыре.

Дело было осенью, при морозцах. Лелик позвонил заказчице и доложил: все о'кей. Утром она вышла к нему с бутылкой, но прежде чем отдать, пошла с ним к дому Воблы, чтобы убедиться. И оказалось, окно заткнуто подушкой не у Воблы, а у соседей; Лёлик перепутал окна.

– Ну, голубок, за такую работу надо ещё с тебя взыскать, – сказала заказчица. – Сделай всё по-человечески и приходи. До завтра.

А для Лелика это всё равно, что для кобеля кусок мяса, который вытаскивает какой-нибудь негодяй из его горла с помощью нитки. Он стал доказывать, что это её вина, не сумела объяснить, а та была неумолима: только за продуктивную работу.

– Ладно, стерва, это тебе дорого обойдётся, – пригрозил он.

Вечером в окно Гребешковых влетела половинка кирпича и застряла между рамами. Муж Гребешковой выскочил на балкон, но никого не увидел. Он с удивлением отметил, что жена отреагировала на это как на что-то обыденное.

Дня через три, когда окно было приведено в порядок, поздней ночью в комнату влетел камень с кулак. Возмущённый муж ушел в милицию, а Гребешкова позвонила Лёлику:

– Сволочуга, приходи, подавись этой бутылкой.

– Не одна бутылочка, а семь. Три раза старался. Арифметическая прогрессия: одна плюс две, плюс четыре. Так что семь.

Растерянная Гребешкова встретилась с Лёликом в условленном месте и расплатилась с ним за семь бутылок. А утром следующего дня, когда Гребешков – муж ушёл на работу, сильно хлопнув дверью, благодарный Лёлик сообщил, что заказ – выполнен, хотя она его теперь и не просила.

Гребешкову всё стало понятно. Он собрал необходимые вещи и перебрался в квартиру любовницы. А скоро и подал на развод.

ПОСОБИЕ

Прохиндейка Софья, смазливая и распутная бабёнка, «стучала» в милицию. Вертясь около алкашей и прочего люда, она выведывала источники их существования, тягу к наркомании, воровству. Чтобы сократить время на выявление пагубных наклонностей, иногда провоцировала.

В угрозыске ей приплачивали. Но что это за плата для безработной женщины с сыном-подростком? Больше всего довольствовалась тем, что теперь уже не опасалась ментов, а вхожа была в их круг.

Пришла как-то к своему шефу, капитану Сухареву, разговорились о жизни.

– Ну и как сводишь концы с концами? – спросил он без особого интереса.

– Так и свожу. Работы нет, а малый растёт.

– Замуж выйди.

– За кого? За этих? Ещё одного нахлебника на шею?

– Да-да, – согласился Сухарев и побарабанил пальцами по столу.

Помолчав, решительно открыл сейф, достал неполную бутылку водки, две рюмки, налил себе и ей. Развернул пакетик с кусочками колбасы. Выпили. Ей налил ещё. Поделился:

– Как-то был я на курсах и один парень рассказал такую историю. Общался он с симпатичной особой, такой, как ты. Так она знаешь что выкаблучивала? Купит какого-

нибудь дешёвого портвейна или вермута, сольёт всё это в трёхлитровую банку, заправит димедрольчиком. Всё, настой готов. Ну, заведёт её какой-нибудь охламон к себе пока отца–матери нету, угостит. Посидят. Она видит – пьяненький, надо добавить. Вынет из сумки своего домашнего настоя. Или домой сбегает, на ногу легкая. Сама только пригубит – дескать, от сладкого аллергия, а ему что ни пить. Посидят, пообнимаются. Глядь, захрапел. На второй день – ах-ах, того в квартире нету, этого нету. Поди, разберись, кто тут был. Да он матери и не скажет. Им ущерб невелик, а ей хорошее подспорье.

Наводка Софье понравилась. Месяца через два она пришла к Сухареву с фингалом под глазом.

– Кто это тебя, мадам?

– Ханыга один. Говорит, я у него вазу украла. Сволочь, два раза по лицу звезданул.

– Так, пиши заявление начальнику.

Хулигану дали пять суток. Пока отсидел, она успела выполнить особое поручение капитана: её втолкнули в камеру к одной фарцовщице. Только стала та расспрашивать, что да почему, как Соня вцепилась ей в волосы с криком: «Ах ты, подсадная утка! Тварь облезлая, я тебя, падлу, насквозь вижу! Кикимора долблёные глаза!»

Дежурный открыл дверь.

– А ну прекратить. Ты что, недобрала? Добавлю.

Соня красиво утихла. Когда дверь закрылась, она «пошла» на милиционера. Потом помолчали. Фарцовщица заговорила первой, пооткровенничала. А вечером Софью из камеры увели.

Сухарев выдал ей единовременное пособие.

УВАЖАЕМАЯ НИЦЕТА

Инженер-строитель Иван Недоседкин благоговел перед сестрёнкой Любой. Когда умерла мать, ей было пятнадцать лет, и он забрал её в город, в свою семью, заменил родителей. Поступив в профтехучилище, она в казенное общежитие не пошла, стены квартиры брата стали родными.

И в институтские годы Люба из Москвы спешила к Ивану, а он, воодушевлённый благосклонностью жены, тайно запихивал в карман ей деньги из своей закладки. И даже потом, когда Люба вышла замуж, Иван по-отцовски опекал её, частенько навещался к ней в недалекий областной город. Люба работала адвокатом, а муж её – помощником прокурора. Получили квартиру, хорошо обставили её и начали строить особнячок, в семье росли два сына.

Однажды Иван приехал к Любе с женой. Они тихо позавидовали обстановке в современной квартире. Но особенно поразил их особняк своей архитектурой, хотя он был ещё недостроенный. Люба водила родных по стройке, рассказывала и показывала будущие апартаменты.

– Мы взяли двадцать тысяч ссуды, закупили весь материал. Но хорошо, что успели, на второй же год цены полезли вверх. А теперь – представляете? – взяли с нас те же двадцать тысяч. Это два килограмма колбасы.

Недосекины возвращались домой подавленные. Супруга говорила:

– Ни за что не поверю, чтобы за двадцать тысяч можно было построиться. На честные деньги не разгонишься. Был бы сам слесарем, вряд ли так размахнулся бы... А так почему ж, можно строить. Одни привезут, другие принесут, третьи оштукатурят. Под прокуратурой все мы ходим.

Иван то неуверенно возражал, то отмалчивался, но ей было видно, что соглашается.

С тех пор перестали Недосекины писать письма Любе. Могли ли они когда-то представить, чтобы та самая Люба Недосекина, которая имела два платья, так поднялась.

А она всё поняла. Она, философская натура, обвинила не брата и не его жену, а среднестатистического советского человека, по-нынешнему – люмпена. И в качестве эксперимента написала брату письмо, в котором лукаво сообщила, что их постигло горе, верх дома перед самым заселением сожгли какие-то завистники. На это письмо Иван отозвался, выразил сожаление.

– Господи, – сказала Люба со слезами, – на Руси блаженные всегда были героями. Нищие, больные, обиженные и невезучие вызывали сочувствие и получали помощь. На Руси богатым быть – безобразие.

БУКВА ЗАКОНА

Покинутый женой и сыном Герасим Плоскостопов, длинноволосый неопрятный человек, у которого и зимой не сходили с ног «цыпки», прослыл мастаком по юридической части. Началось с того, что его не удовлетворила сумма пенсии – произошла путаница со стажем. Отказавшись получать минимум, Герасим подал в суд. Его убеждали, что лучше хлопотать, имея синицу в руках, но он, как человек не от мира сего, побывавший в психбольнице, сто-

ял на своём, хотя по натуре был жаден. Иск «из принципа» увяз в юридической казуистике и затянулся на годы.

Увлечённый своей затеей, Плоскостопов штудировал Кодексы, применяя теорию на практике, и вошёл в образ правозащитника–буквоеда, пенсия стала уже делом побочным. Он подавал жалобы на судей в прокуратуру, подавал иски на прокуроров в суд, если они присылали ему ответы с нарушением сроков, помогал истцам оформлять иски и выступал их представителем. В суд ходил как на работу, у служителей Фемиды при виде его учащался пульс.

Выглядел Плоскостопов экзотически: волосы до плеч, затрапезный пиджак, дырявые брюки и сбитые грязные туфли со шнурками из мягкой проволоки. Но был исключительно убедителен и вежлив. К примеру, говорил:

– Ваша честь, прошу одеть мантию и выставить предусмотренную законом государственную символику – герб и флаг России. Я не верю в объективность судей, если они нарушают процессуальные основы.

У народных заседателей требовал удостоверения, а если таковых не было, покидал заседание. Постепенно в райсуде привыкли к такому порядку.

Однажды Плоскостопова «устроили» на 7 суток в камеру милиции якобы за грубость и неуважение к суду, да это ничего не изменило. Тогда решились на более действенные меры. В конце рабочего дня по предварительной договорённости Плоскостопов зашёл к председателю райсуда Овчинниковой. Тут ей кто-то позвонил. Она вышла из кабинета, сказав: «Одну минуточку». Тянулись минута за минутой, Герасим терпеливо ждал. Когда уже заподозрил неладное, в покинутый кабинет неожиданно заявился водитель Овчинниковой – парняга с руками-лопатами по кличке Клёкот. Плотно прикрыв дверь заявил:

– Ты, гнида вонючая, долго ещё будешь таскаться по судам?

Герасим понял, что это провокация, но необдуманно сказал:

– Это моё личное дело.

Клёкот сграбастал его за длинные волосы, намотал на руку, стащил со стула и, зажав голову между коленей, стал охаживать ручищей по тощему вихляющему заду.

– Будешь, грязная свинья, надоедать судьям?

Ошалевший Плоскостопов заскулил, неожиданно тонким голоском:

– Всё, последний раз. Больше не буду.

– Повтори.

– Даю слово, последний раз.

Клёкот поднял его, играючи отшвырнул к двери и вдогонку двинул ногой в зад. Прогнувшись, Герасим вылетел в приёмную, но дверь в коридор была закрыта на ключ.

Клёкот вставил ключ, открыл дверь и с уважением произнёс:

– В общем, я всё передам, а вы заходите, когда вам будет удобно.

По коридору кто-то прошёл, не обращая внимания на умиротворённые слова.

С этого дня Герасим ещё яростнее стал «бомбить» районную Фемиду жалобами. Клёкоту поручили искать выход на местных крутых парней. Это была последняя надежда.

ПЕРЕЖИЛ ВОЖДЯ

Преданный Компартии краевед заинтересовался историей Страховской партийной организации. Он порылся в архивах и с удивлением убедился, что в тридцатые годы на местном производстве не было того трудового подъёма, о

котором пело радио и писалось в газетах. Так, на овощесушильном заводе дисциплина труда была низкой, план регулярно не выполнялся. Директор Н. был объявлен вредителем из-за того, что в бочке с огурцами оказалась мышь. Директор К. загремел вослед за ним, у того сгорел трансформатор.

Очередной стал отбрыкиваться от зловещей должности, но партия вынудила принять дела. И тогда, чтобы избежать участи предыдущих несчастливцев, он выбрал наименьшее зло – стал пьянствовать. Говорят, иногда имитировал пьянку. На него долго не обращали внимания. Когда же свалился под забором, наконец, приняли меры: выгнали из партии и с работы за аморальность. Пережил товарища Сталина.

ОБМОРОК

Лето, теплынь. На пьедестале танк. В почётном карауле на деревянных тумбах школьники в полувоенной форме, с деревянными автоматами – парень и девчонка. Ветерок относит пламя вечного огня в их сторону. Подошёл мужчина с фотоаппаратом. Навёл, щёлкнул. Второй снимок совпал с тем моментом, когда парень, покачнувшись, стал оседать, а девчонка подхватила его под руку. Фотограф бросился на помощь, вдвоём усадили на бордюры.

– Вот слабаки, уже третий на этой неделе падает, – сказала она.

– Где же ваш разводящий?

– А вон в сквере, на лавочке в тени.

Мужчина с фотоаппаратом направился в сквер. Подошёл к смене почётного караула, сказал старшему, как видно, военруку:

- Там у вас мальчик упал.
– Опять? А ну, ребята, пошли. – Он посмотрел на часы: – На шесть минут раньше заступите.
– Вы отведите их от газовой струи, – посоветовал фотограф. – Они же отравляются.
– Как я отведу, это место определено не мной.
– Но падают же дети, к чему такая бутафория. Действуйте по обстановке. Вы учитель, командир.
– Уже был об этом разговор директора с мэром, доложу ещё раз.

Всё как на войне: сначала погубят по приказу, потом доложат.

Второй снимок оказался удачным, его опубликовала газета с подписью «Обморок». Скоро некий участник войны в заметке «С заднего входа» обвинил фотографа в очернительстве нашей действительности. Он поведал о массовом героизме в невероятных фронтовых условиях и подписался инвалидом Великой Отечественной.

АХ, НЕМЕТЧИНА

Верунька Терехова никогда не выходила замуж. Вернулась из германской неволи едва жива, а тут ребят-ровесников – шаром покати. Её подруги почти все разъехались по городам, обзавелись семьями, а она, настрадавшаяся на стороне, не решилась отрываться от дома. Двое братьев погибли, один прижился на Урале, а мать больная – тоже не оставишь. Так и прошла её кроткая жизнь: в хлопотах и надрывной работе в колхозе. Долго снилась ей проклятая неметчина.

Прошло время, стала Верунька одинокой старушкой. И вспомнили о ней, выдали полторы тысячи немецких марок

как пострадавшей от каторжных работ. Стали прибавлять к пенсии всем остальным, кого немцы так или иначе отлучили от дома. Приехала к ней из города бывшая соседка Полина с мужем.

– Ве-ерка, вроде недавно в анкетах была дурацкая графа: проживал ли на территории, занятой врагом, – говорила гостя. – Теперь время оккупации засчитывается в стаж. А посмотрела б ты, что у нас в городе сейчас делается в пенсионных коридорах. Сдают липовые подтверждения, что, мол, тот и этот были угнаны в Германию.

Она обратилась к мужу:

– Вась, как ты говоришь: всем выгодно, да?

– Конечно, выгодно, – подтвердил Василий. – Идёт взаимное опыление, все довольны. Получается ничья: государство грабит нас, мы берём у государства своё. Я не философ, но считаю, что у этого процесса многовековая история. Так и крутится чертово жульническое колесо. Только государство за своё спросит по закону, а люди беззащитны. Но что делать? Приходится изворачиваться.

– Вот я и подумала: съезжу-ка к тебе, – продолжила Полина.

– Знаешь, Польша, всё это не просто, – растерялась Верунька. – Тебе четырнадцать лет было, таких же не брали.

– Это у нас не брали, а в других районах и подростков угоняли. Твоё дело подтвердить, что я была с тобой. Второго свидетеля найду.

Уговорила Полина. Мотнулись они в сельсовет, оформили бумагу. Пошли к Веруньке и местные. Упросили её ещё двое, остальным отказала. «Отказники» перестали здороваться, да ещё кто-то «накапал» на неё в райцентр.

Вышел слух, что грозятся приехать с разбирательством. Несколько ночей она провела в бессонье. В одну из таких ночей вломились к ней двое в масках и с кинжалом: где деньги? Застыло сердце, попрощалась с родной дерев-

ней; такого бандитства здесь ещё не было. Но убедила их, что деньги отдала племяннику, и готовность изъяснила идти к нему. Поверили, забрали пенсию и смотались.

Два дня и пожила Верунька после такого происшествия, не выдержало её сердце. Те, кому отказала, на похороны не пришли. Осталась в должниках.

СУСЛИК

Летом 1944 года, когда уже одиннадцать месяцев мы прожили без немцев, мать собралась проведать хромого братца Ваню в её родной деревне Хмелевая, а расстояние десять километров. Я самый младший в семье, прозванный маминым хвостиком, напросился, чтобы увидеть эту страну Хмелевую. А мама в свои сорок три года задыхалась, в дорогу брала палочку.

Идём по рубежу, разделявшему два колхоза. Справа заросшее полынью и лебедой поле, на котором вдалеке маячил остов нашего самолета – «кукурузника», а слева – хилая рожь. Вдалеке, за низинным пролеском, взгорок, запятнанный обгоревшими танками, о них я был наслышан.

Идем по тропке. Вдруг перед нами перебегает ее суслик в сторону ржи. Мама изловчилась, ударила его палкой. Он подергался затих. Я обиделся:

– Зачем ты его?

– А чего ему тут шнырять. Немцы, да еще эти нахлебники...

– а он за них не отвечает, – возмутился я, и дальше мы шли молча.

МЫ, НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ...

Окраинный микрорайон Западный разрастался, старая электролиния уже не могла обеспечить его нормальным напряжением, оно постоянно колебалось. Выходили из строя электроприборы, не заряжались трубки радиотелефонов, не работали автоматические стиральные машины, портились холодильники. Работники электросетей не реагировали на просьбы граждан, ссылались на то, что подстанция принадлежит другой организации, но та отказывается передать её, надо всего лишь включить второй трансформатор.

Люди страдали месяц за месяцем, только общая беда – это вроде бы и ничья беда в отдельности. Наконец нашёлся грамотный человек, пенсионер Пигарев, составил акт, свидетельствующий о ненормальном напряжении в сети: «Мы, нижеподписавшиеся, жители микрорайона Западный...» Отпечатал в трёх экземплярах: один – себе, два – в суд.

Первый сосед по переулку идею одобрил, но подписать отказался. У него задолженность за электричество.

Второй – пилит доски и каким-то образом использует неучтённую энергию. Тоже пожелал остаться в стороне.

Третий – в обход счётчика подогревал свой дом электрическими «козлами» в сильные морозы, тоже не стал подписывать.

Четвёртый сказал: «Пошли они к чёрту, я в судах никогда не был и не хочу связываться. Я своё и так возьму, если надо – тормозну счётчик. А зарубежных холодильников у меня нет».

Посмотрел Пигарев на свою единственную подпись и зачеркнул её с огорчением, утешив себя тем, что ему не больше других надо. Бывает, и сам останавливает электросчетчик – вставляет пластину. Попадешься – пощады не будет, так что пока лучше позванивать, лучше похорошему решить проблему.

Дома перечитал акт, скомкал все листки и выбросил в мусорное ведро. Поймал себя на мысли: не зря всё-таки одобряют, когда кто-то украдет у государства, удовлетворение испытываем примерно такое, как при сообщении о наводнении в американском штате. Подумалось даже: да пусть некий террорист взорвёт подстанцию, чтобы её отстроили заново с учётом роста микрорайона.

КЛИН – КЛИНОМ

Ранним августовским утром к невзрачному деревенскому домику подошли два милиционера. На лай собачонки вышел заросший человек неопределённых лет – в спортивных брюках с обвислыми коленками и в майке, плечи и грудь густо расписаны татуировкой.

– Фараон, не желаешь прогуляться? – говорит один из милиционеров.

– Майор, ты ж знаешь, я завязал.

– Да не о тебе речь. Нужна помощь.

Фараон молча возвращается в дом и скоро выходит в старой фуфайке и вязаной шапочке. Они направляются к полуразрушенной ферме. В пути майор поясняет:

– А мы зашли к твоей матери на Первомайскую. Говорит, неделю ты не был в городе.

– Когда быть? Четыре дня при коровах – за себя и за кореша. Второй день перекур – перегар. А у вас, что за дело?

– Да, так, по мелочи. Кое-что опознать надо.

Они входят в полусумрачную заброшенную ферму с просветами в крыше. Майор широко расставил ноги, приняв угрожающий вид, заговорил зловещим тоном:

– Слушай, Фараон, после Чечни я отлежал в больнице, так что за нервы свои не ручаюсь. Где видак, меховые вещи и всё прочее? Где? Быстро, быстро!

– Пош-шёл ты, на понт не возьмёшь, – нахально заорал Фараон. – Канал я тебя с твоими нервами.

– Ах ты, сука, в наглуую пошёл, – взрывается майор. – Он лихорадочно сует руку в боковой карман, выхватывает пистолет и орёт:

– Молись, погань! Кайся. Считаю до трёх! Ну! Праз... – К майору бросается старший лейтенант, виснет на руке.

– Павлыч, только без этого. Каторга нам. Ты что.

Разъярённый майор отталкивает коллегу. Тот падает, снова бросается, но два выстрела валят его на уродливый деревянный пол, усыпанный навозной крошкой. Он корчится, зажав руками живот.

– Павлыч, отдам, отдам! – кричит испуганный Фараон.

– Вот так-то. – Майор прячет пистолет. С оглушительным смехом встаёт «старшой», этот смех подхватывает майор. Фараон обескуражен.

– Ну легавые, прогнали дуру, а я лопухнулся. – Он садится на пол, обхватывает ноги руками. – Ну и комедь сыграли. Ноги ватные.

– Ладно, «пузырь» ты заработал за испуг, вставай, – говорит майор. Они выходят, хихикают. За ними выходит Фараон, у него в руке граната.

– А ну ложись, руки на череп. Пистолы сюда.

Милиционеры ложатся, майор выкладывает на землю два пистолета: стартовый и боевой. Говорит:

– Имей в виду: сопротивление органам.

– Повторяю: я не виновен. Пошёл в пастухи замолить грехи. Ясно?

– Хрен с тобой, по тыкве ты всё равно заработал за сопротивление власти, – по-дружески пригрозил майор.

– Что! – кричит Фараон. Выдёргивает кольцо и бросает на землю.

– Ты что, дура, – испуганно кричит майор. – Брось за угол! Слышь? Фараон поднимает пистолы, пихает в карман фуфайки и приказывает:

– Встать. Вот так. И за мной, к пруду. Глушанём карпов. – Они втроём спешат к пруду.

– Не отставать, – приказывает Фараон. – Закуска будет. Магарыч ваш.

– Где ты, подлец, её взял? – говорит один милиционер.

– Слушай, брось её вон в ту канаву, – советует другой.

Все трое уже почти бегут. На пруду – ни души.

– Ложись, – приказывает Фараон.

Милиционеры ложатся, а он бросает гранату в воду. Она булькнула – и тишина. Служивые встают, отряхиваются.

– Сволочь, – облегчённо говорит майор. – Страху нагнал.

– А вы? Балдёжная шутка, да?

Фараон подаёт майору оба пистолета, и все трое садятся на росную землю.

– Ваш магарыч, – напоминает он. – Пузырь обещали?

ОПАСНЫЕ СИМПТОМЫ

50-летний «вор в законе», признанный в криминальном мире авторитет по кличке Наум, «свихнулся». Из тюрьмы его переправили в спецпсихбольницу со строгим режимом, где все врачи с милицейскими званиями.

На втором году своего пребывания Наум заинтересовался Библией. Он открыл новый мир и себя заново в этом мире. Постепенно исчез его воровской жаргон, он стал почитателен в любом общении.

Однажды молодой его кореш заочевряжился: дескать, выберусь отсюда – наверстаю упущенное. Наум в присутствии многих обитателей психушки сказал ему:

– Сынок, я за свою жизнь погубил не одну душу, а их не оживишь. Мой тебе совет: покайся за грехи свои, пока молод, и господь призовет тебя в свои кущи. Ослушаешься – будешь выброшен на помойку, всеми забытый и заплёванный, как ничтожество. Не будет тебе прощения и покоя.

«Сынок» затих и больше не раздражал Наума.

Пришло время Науму выписываться. Собрался консилиум, который решил, в частности, и его судьбу. Голоса врачей разделились примерно пополам. Всё решила главврач Скотникова, она имела три голоса и сделала перевес: лечение продолжить. Заведующая отделением записала в историю болезни симптомы: увлёкся Библией, ведёт переписку с верующими. Для доказательства к истории болезни было подшито одно письмо.

РЫБОЛОВ

В начале учебного года шестиклассникам дали задание написать о самом памятном дне летних каникул. Впечатлительный мальчик вспомнил, как ловил рыбу в деревне у тётушки, и описал всё без прикрас. Вот два предложения: «Мне было интереснее самому ловить удочкой карпов, чем смотреть, как деревенские мужики вытаскивают их сетью из пруда... А один лохматый дядька в мокрых штанах пробежал по берегу с ведром и сказал мне: «Ах ты, браконьер»».

Всего три десятка слов, а какая живая картина, ребёнок выразился как художник. Мы видим и самодовольного дядьку, и всех остальных браконьеров, и самого мальчика. Но учительнице не хватало здесь патриотических мыслей, восторгов просторами Родины. Она подчеркнула слова «мужики», «дядька в мокрых штанах» и художественная картина поблекла. Ей хотелось прочесть слова на заказ: «мужчины», «дяденька в мокрых брюках». Этот заказ выполнила девочка. Она рассказала, как помогала маме на даче, как в один памятный день отняла у кошки ласточку и отпустила её на волю, как любовалась просторами Родины.

Дачное сочинение, самое патриотическое, зачитали классу. В журнале появилась пятёрка.

А все одноклассники знали, что девочка была ленива.

МЕСТЬ

Тишина и покой на деревенском кладбище. Смотрю на кресты и оградки, на фотографии и даты жизни, припоминаю лица давно ушедших земляков.

Вот бригадир Карпов Стефан. Здоровье отдал колхозу. Но почему-то его фотография в плексигласовом заключении валяется на земле, а четыре шурупа лежат на гробнице? Выходя с кладбища, встретил сельчанина с косой на плече. Поинтересовался фотографией Стефана. Он просветил:

– Так это не первый раз. Пристроят карточку на место. Неделя, другая – и опять то же самое. Что интересно - не выбрасывают.

– Кто ж такой злодей? - спрашиваю.

– Подозревают одного. - Он кивнул на дом девяностолетнего старика. – Лет тридцать назад Стефан оштрафовал его за лошадь. Как живодёр, разбил ей плечи хомутом. Виноват, а стал грозить. Мол, я тебя и на том свете достану. Вот и достаёт.

Представляю, если бы на могилу кто-то тайно носил цветы, его давно бы разоблачили. А тут такая жестокая детективная история: ночью злоумышленник приходит на кладбище, отвинчивает шурупы, аккуратно кладёт их в рядок, а фотографию выбрасывает. Он мог бы всё это уничтожить, но тогда конец наслаждению.

– А может, это не он шкодит? - сказал я собеседнику.

– Он или не он - скоро узнаем. Не вечный.

Когда умер, никто и не вспомнил про делишки на кладбище.

ВОРОШИЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Рассказ учителя

В восемьдесят первом году был я в городе Ростове на курсах повышения квалификации. А курсы были так, для галочки, проводили там время как зря. Частенько окунались в пивнушку на Ворошиловском проспекте. Было там

вино, коньячок. Ну а где вино, там и водка, с собой приносили.

Раз пришли мы втроём, взяли пивка. Была и рыбка донская. Стоим у столика, балагурим. А рядом двое затеяли разговор о политике. Молодой, лет тридцати, ругает Брежнева, а фронтовик с орденскими планками всё твердил, что Брежнев верный ленинец, благодаря ему мы живём без войны. «Тебе, – говорит, – что, охота вшей кормить в окопах?»

Молодой завёлся: «Ты меня окопами, Кириллыч, не пугай, погляди, кругом безделье, ложь, воровство, а Брежнев твой всё челюстями шамкает, речь по бумажке толкает». Фронтовик старался переубедить: «Дима, чего тебе ещё надо: бабы рожают в бесплатных больницах, ракеты летают, пиво вот пьём».

Димка ему уже на повышенном тоне: «Ты считаешь, мы нормально живём? Если нормально, то по сравнению с окопами. Погляди, что творится. Никто ни за что не отвечает, коммунисты разворовали страну, народ в апатии. Могу тебе доказать это хоть сейчас. Вот вырою на проспекте яму и никто не спросит, зачем я это сделал. Согласен на ящик портвейна спорить?»

Сказать честно, мы хотели уходить; их за язык возьмут, а нас – в свидетели. Смотрим, по всему кафе спор пошёл. Одни за Кириллыча, другие за Димку. Молодой начал настаивать: «Значит, так, Кириллыч, я бегу за инструментом, а ты готовь ящик портвейна, угостишь всех, кто тут есть». Тот ему: «А это мы ещё посмотрим, кому угощать придётся».

Ну, думаю, заварилась каша. Надо бы в институт, а тут такое дело. Время как раз подходило к обеденному перерыву.

Смотрим, идёт наш Димка – в рабочей робе, с шанцевым инструментом. Прямо перед окнами кафе, на проезжей части, забил костыли, натянул нитку с красными

флажками и давай долбить асфальт. Машины объезжают, а из пешеходов редко кто и посмотрит. Правда, один милиционер на мотоцикле притормозил, но останавливаться не стал, поддал газу. Мы говорим фронтовику:

– Не дрейфь, кто-нибудь позвонит по ноль–два. Столько народу вышло, должны же позвонить.

Кириллыч безнадежно махнул рукой, все даже рассмеялись. А было нас человек пятнадцать. Я имею в виду страждущих.

Ну, пьем пиво, наблюдаем через стекло. Минут пятнадцать парень долбил яму, делал это, надо сказать, профессионально. Потом сложил на тротуаре инструмент, снял робу и идет к нам в кафе. Всё это так не спеша, с достоинством. Буфетчик – дверь на замок, вынес ящик портвейна и пошла гулянка с политикой. Сам фронтовик пить не стал, выложил деньги и ушел. Ну а мы до конца. На занятия так и не попали.

Только на второй день пришли женщины в оранжевых жилетах, сняли ограждение и засыпали яму. Не знаю, переименовали этот проспект или нет. Точно могу сказать, что Ворошиловский дух выйдет из нас лет через полвека, не раньше.

АРАП

На выходе из пивной Лёху Пузырёва забрали в вытрезвитель. Переспал. Утром сокамерники осмотрели карманы – у всех пусто. Входит дежурный лейтенант, говорит:

– Как переспали? Заберите ваши вещи. Пора разбегаться. Кто тут у меня в списке первый? Пузырёв. Семьдесят рублей за ночлег и домой.

А Лёха всё обдумал, он прохиндей ещё тот. Прежде чем «погудеть» в пивной, забежал к сестре, отдал зарплату (за себя не ручался) и с сотней рублей пошёл с друзьями побузотёрить.

- С меня семьдесят рублей? Извините, это с вас восемьсот. Я получил аванс, сто рублей пропили, остальные верните. Привыкли выворачивать карманы.

- Пош-щёл, ханыга, – взял на арапа милиционер. – Куролесил весь вечер, а теперь ищешь деньги? Дуй отсюда по-хорошему.

- Я не куролесил, у меня есть свидетели. Они скажут, сколько мы пропили, и в конторе скажут, сколько выдали. Вот так-то. А за оскорбление ответите.

- Ещё раз говорю: уплати за ночлег и топай отсюда по-доброму.

Но Лёха уже завёлся и решил идти до конца, он тоже взял на арапа:

- Вернёте – уплачу. Не вернёте – потеряете лампасы. Ясно? Я читал, как вы тут шмонаете карманы. Хорошо шмонаете. Будет суд. Ответите.

- Вон отсюда! – крикнул лейтенант и открыл дверь, чтобы Лёха ушел бесплатно.

- Нет, извините, никуда я не пойду, пока не вернёте деньги. Восемьсот целковых. – Он обратился к сокамерникам: – Граждане, будьте свидетелями. Меня ошмонали, восемьсот рублей взяли. Я зарплату получил, люди знают. Осмотрите свои карманы.

Только один вякнул:

- У меня всё до копейки. Полторы тысячи нету.

- Вот так, слышали? – вдохновился Пузырёв.

- Так, пошли к начальнику, – мягко сказал лейтенант, прикоснувшись к плечу Лёхи.

- Пошли, пошли, я всё расскажу.

На пути к дежурке лейтенант остановился, вынул деньги.

– Возьми свои восемьсот и дёргай отсюда.

Лейтенант отсчитал, отдал. Пузырёв жадно пересчитал восемь сотенных и согласился:

– Всё правильно, мои. Спасибо за сохранность.

Лейтенант вошёл в камеру, обратился к парню, у которого пропали полторы тысячи рублей:

– Ты, козёл! И тебя отвести к начальнику да суток на десять определить по суду? Готов?

– А я что... Не знаю... Может, потерял, – смутился бедолага.

– Вот так-то. Не знаешь – держи язык за зубами.

Дальнейшего развития у конфликта не было.

ЗАСТОЙ

Эта история произошла в семидесятые годы, когда многие конфликты решались не судом, а административными и прочими инстанциями, главной из которых был Брежнев. «Жалобный» конвейер работал без устали в прямом и обратном направлении; конверты, бумагу, время не жалели.

В 24-квартирном горисполкомовском доме, который отапливала котельная завода коммунальных машин, пропало тепло. Батареи, как говорили, не нагревались до температуры тела. А на дворе январь, морозы. Жильцы пошли с жалобами – устными и письменными – на завод, в райисполком, писали в обком партии, в журнал «Крокодил», дорогому Леониду Ильичу.

Оттуда спустили рекомендации для принятия мер и просили сообщить им и заявителям. А так как у дома было

два хозяина, ни тот, ни другой не вникали в суть дела. Отписки были профессиональными, аргументы подкупающими. Всё сводилось к одному: вскрывать грунт в зимних условиях невозможно.

Однако партийное человеколюбие подсказало выход: заводская администрация предложила жильцам запастись «жучками» и отапливаться электричеством за счёт завода. Но не успели они ещё воспользоваться этим советом, пришло водяное тепло, батареи буквально накалились. Оказывается, ребятишки бегали в подвале и вернули на прежнее место вентиль, горячая вода вышла из застоя, стала циркулировать.

ПЛАКАЛЬЩИЦА

Митроша от рождения был добрым и уважаемым, но в последние годы запил. Жена уехала в город к дочери, а он растранижил своё хозяйство и года три булдыжничал. Умер в пятьдесят семь лет.

На похороны приехали дети, жена, собрались сельчане, да только не было ни слёз, ни причитаний. Проводить Митрошу земляки намеревались лишь за околицу, а там машиной до погоста, который был в двух километрах, – до конца редко кого сопровождали всей деревней.

Когда остановились, чтобы попрощаться, и гроб поставили на табуретки, сорвалась известная в деревне плакальщица Марья, старая дева и ровесница Митроши, в молодости они вместе ходили на вечеринки. Она, наклонившись к покойнику, заголосила:

*Ох, куда ж ты от нас направляешься,
Да почему тебе не пожилось на этом свети-и-и-и?
И кому ты помешал в нашей деревни-и-и-и?
И почему такая немилость божия-я-а-а?
Неужели на всех нас мало солнышка-а-а?*

Многие, пронятые искренними нотками безутешной Марей, зашмыгали носами, подоставали платки, а Марея наклонилась к изголовью покойного, ещё пуще зашла в плаче и запричитала ещё истошнее:

*Развела нас с тобой судьба в разные стороны.
И не послушал ты меня, голубочек сизый.
Страдал одиноко, никому не жалился.
Никто не хотел подобрать к душе твоей ключик.
Ох, жили бы мы с тобой без горяшка,
И не скоро понесли б тебя по этой дороженьке.*

Слёзы уже вовсю стали одолевать провожающих, иные уже даже начали всхлипывать.

Взяв на себя вину за смерть Митроши, Марея, тем самым, пристыдила беглую жену его, да и сельчан, и процессия в том же пешем порядке стала продвигаться к кладбищу.

Этот плач Марей был не только плачем, но и как-бы искусством, пробуждающим души и вызывающем искреннее милосердие.

СИТУАЦИЯ

Олег из Плавска говорит сестре – москвичке:

– Тань, у вас с мужем такой стаж на заводе. Возьмите мне машину. Век буду в долгу.

Сестра стала на очередь. А так как на двоих с мужем у них почти шестьдесят лет горячего стажа, машину предложили через полтора месяца. Сестра – телеграмму в Плавск: везите двадцать тысяч.

Поехал Олег в Москву с женой. В гостях ночью легли спать. Он шепчет: надо отдать за хлопоты им пять тысяч. Супруга ему: а мы ей сколько добра сделали; да она ещё и не возьмёт. Он на своём: возьмёт, не возьмёт – наше дело предложить.

Утром встали, Татьяна опередила:

– А вы знаете, я пообещала нашей знакомой из профкома пять тысяч. Она сделала всё досрочно. Скоро подорожание, все спешат. Я вам серьёзно. Это так просто не делается.

Супруги из Плавска переглянулись. Олег говорит:

– Ну и взяточничество у вас. Пятьдесят лет стажу – и им мало.

– Да причём тут стаж и взяточничество. Сейчас все спешат. И, между прочим, есть семейные династии, стаж до ста лет, – сказала сестра в сердцах.

– Да нет, это я к слову. Пожалуйста. Раз мы живём в такой ситуации.

Позавтракали, поехали за машиной. Уплатили деньги, пошли на автостоянку.

Выбрали цвет машины, оглядели её. Отдали Татьяне пять тысяч рублей, и пошла она к проходной. А Олегу не до машины, разволновался. Не выдержал, спрашивает у

такого же счастливого, раскосого мужика с бутылкой в кармане. Тот ему:

– Да ну, какая взятка. У нас этого нет.

Представил Олег, как Татьяна прошла через проходную, как села в заводском скверике на скамеечке, выдерживая время, как возвратится сейчас и скажет: всё, отдала. И какие у неё будут глаза?

Скоро она вернулась, говорит:

– Не нашла. Теперь до завтра.

Брат подумал: дрогнула? Передумает? Нет, никаких намёков на это, глаза лукавые. Настроения у него нет, а тут ещё выяснилось: ключи не все. Муж Татьяны подпил с раскосым покупателем, долдонит:

– Эти машины сейчас знаете в какой цене? Мне мастер в цехе давал шестьдесят кусков. Не верите?

Подъехали к дому Татьяны. Олег, не отрываясь от руля, говорит:

– Наверное, мы поедем. Оформим недели через две. Дай свой паспорт.

– Вы что, на ночь глядя? Завтра поедете. – Олег заартачился. Его поддержала супруга.

– Тогда счастливо, – сказала Татьяна. – Вот паспорт.

– Спасибо, я у вас в долгу.

– Ещё чего.

– Между прочим, во-время урвали, – говорил её муж, пожимая руку шурина. – Шестьдесят кусков, только свистни.

Распрощались. Дорогой супруги до Плавска долго молчали, будто ехали с похорон. Наконец он сказал:

– Надо же, взяла именно эти пять тысяч, которые хотели ей дать. Представь себе, отдали бы добровольно, насколько было бы легче.

СТВОЛОМ НА ЗАПАД

В августе 1943 года у села Саськово распластались около ста наших танков. Этот райцентр находится в котловине, и наши танковые бригады, были встречены при стрельным огнём с противоположного склона, многие из них подорвались на минах. Лишь на третий день, когда один танковый взвод вышел к селу далеко слева, по лощине, немцы ушли. По району тогда пошёл слух, что какой-то генерал оказался врагом народа и умышленно загнал танки на мины, за что и поплатился жизнью.

В честь 45-летия освобождения Саськово районные власти решили воздвигнуть на постамент танк у въезда со стороны областного центра. Но в это время Т-34 найти было трудно, подыскали самоходку образца 1944 года.

Местный историк, которому была хорошо понятна эта трагическая страница войны, подготовил примерно такой текст: в августе 1943 года на подступах к райцентру Саськово такие-то бригады такой-то танковой армии в ожесточённых боях прорвали укреплённый пункт и понесли потери, которых не было на всём пути до Германии.

Районные власти отвергли эту надпись и новым текстом по существу провозгласили здравицу в честь освободителей Саськово. Надпись привычная, только почему-то те из танкистов, которые приезжали в Саськово на День Победы, роняли слёзы у этого памятника. Они не слышали, чтобы кого-то расстреляли за такие потери.

Мощная самоходка, направив ствол к Западу, хорошо вписалась в антураж райцентра и радуется глаз своим великолепием. Если в других местах приезжих везут в С-Лутовиново, в Ясную Поляну, в Шереметьевские имения,

то здесь и везти никуда не надо: вот оно, под боком, у дороги – любуйся и гордись. Лишь в областном центре да ещё в одном-двух местах области есть такие величественные сооружения.

ДАЧА С МАНСАРДОЙ

Обидову отвели шесть соток для строительства дачи, и он приступил к делу. При этом задумал малость отличиться. Домик заложил площадью четыре на пять, как у многих других, но двухэтажный, чтобы не терять лишние метры под огородом.

Председатель садоводческого кооператива «Жасмин» предупредил, что двухэтажные строить запрещено, но Обидов не внял этому. Когда стены второго этажа были уже выложены, заявили представители исполнительной власти, которые привычно карают за самозахваты земли и самовольные установки металлических гаражей.

Сначала они потребовали безоговорочно сломать второй этаж, но после покаянных слов хозяина снизили к нему и предложили снять пяток рядов кирпича и сделать «ломаную» крышу, а это уже будет не этаж, а всего лишь мансарда. Обидов поблагодарил их, но снимать пять рядов не стал. Вывел два фронтона и завершил дом «ломаной» крышей.

Когда же вызвали на беседу и припугнули большим штрафом, Обидов стал отчаянно убеждать, что никакого второго этажа у него нет, потому что поднимается он не по внутренней маршевой лестнице, а по обычной, которую приставляет к стене по мере надобности. С ним согласились, но заверили что строго проследят.

Года два Обидов в буквальном смысле карабкался как обезьяна на второй этаж. Но на его счастье пришла перестройка, стали закрепляться за людьми в вечное пользование их гаражи, дачи, квартиры. Обидов сделал в своей даче капитальную лестницу и с удовлетворением отметил, что некоторые застройщики стали копировать его домик.

– Господи, неужели так и будет? – вопрошал он. – Переживу всё: хамство, хулиганство, финансовую разбалансированность, лишь бы надо мной никто не стоял с кнутом.

КОРОТКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Константин Константинович Константинов в молодости, после окончания института, тяготился занудливым Ф.И.О. Ему нравилось в студенчестве быть просто Костей, а тут такой частокол звуков. Началось, конечно, от фамилии. Прадеда назвали Константином, но отец Костик, не подумав о будущем сына, вот так и укомплектовал его Ф.И.О. Был же Когда-то в ЦК КПСС Андрей Андреевич Андреев.

Ученики в первый день его занятий мучительно проносили два длинных слова, и он на второй же день пошёл к директрисе Квасовой согласовать свою идею стать перед ними просто Кость Костичем. Временно. Квасова поняла его, но не взяла на себя ответственность, решила согласовать в райотделе образования. Там запретили эту самостоятельность, но с таким видом, что легко можно было понять: решайте на месте. Она подстраховалась и запретила. Но тоже с разрешительным видом. И Константинов подстраховался, получил одобрение учеников. А потом ещё посоветовался с родителями и намекнул, чтобы

написали на имя Квасовой прошение. Написали, а она ещё раз подстраховалась, неопределённо написала на уголке: «А не лучше ли звать более доступно: «Ван Ваныч». И держала это прошение в столе на случай недовольства сверху.

Первая вольность вдохновила Константинова в то время послехрущёвской оттепели. И он для всех учеников стал Кость Костичем; старшие вначале шутейно так обращались к нему, а потом привыкли. Инспекторы старались не ходить на его уроки от греха. Но если предстоял какой-то официоз, ученики, задействованные в нём, заранее наламывали язык. Особенно перед днями его рождения.

Прошли десятилетия, Константинов бесценно директорствовал, получил звание заслуженного.

По его предмету русского языка и литературы выпускники всегда примерно сдавали экзамены в любом институте. В созданном им школьном музее были сочинения с вольными мыслями, стихи, забавные письма на его имя. Неожиданные вопросы и его ответы, или без ответов. Вот хотя бы такой вопрос: «Все люди разные, а среди муравьёв бывают лодыри?» Тут карикатура: вереница муравьёв, а рядом стройка: два мужика пилят бревно, третий сидит, курит.

Свои экзамены Константинов принимал оригинально. Если, к примеру, был вопрос о произведении Толстого, он мог сказать: «А как ты думаешь, не графоман ли был Лев Толстой со своими гросс-романами? Вон Чехов. Кратко писал, но велик. Вот исходя из этого и задай мне вопрос». Этого боялись, вопросы изобретали с трудом, советовались, спорили.

Перед уходом на пенсию Константинов решил красиво закрыть за собою дверь, не менее красиво, чем открывал её когда-то. Учительнице Тормасовой, которую выдвинули

теперь на президентский грант, он написал такую характеристику:

«Завуч Гормасова Маргарита Павловна работает в школе восемь лет. Хорошо помню её ученицей. Была с виду неказистой. Да и в поведении простушка, модами не увлекалась. Но сквозь её простоту и наивность проглядывал гражданский талант. Только она одна, будучи студенткой, разрешила выставить в школьном музее своё письмо на моё имя с признанием в подростковой любви. Её откровения и неожиданные подходы в разговоре о том или ином предмете лично меня, выдавшего виды человека, потрясли. Запретила говорить о себе «пользуется уважением», считая это ходячее выражение оскорбительным, сделала для нас, вековечно бездумных граждан, открытие, за которое можно присуждать некую высокую премию. Помню этот ошеломляющий вопрос мне на экзамене, я в растерянности ходил весь день под впечатлением её проникновенного ума.

За своё свободомыслие имела неприятности, но другой быть не могла, она как бы делала ученикам прививки от некой чумы, иначе говоря, от лжи. Оценивая Великую Отечественную войну, о которой теперь, кажется, знаем всё, но продолжаем фальшивить друг перед другом, особенно фронтовики с лозунгом «Мы шли вперёд», Маргарита Павловна осторожно, но неизменно называет победу Пирровой.

А как она объяснила великую сказку Андерсена о голлом короле! Нам, педагогам, говорит открыто, что сей сюжет автор не завершил, мальчика непременно должны были высечь за его наивную правдивость: «А король голый». Ведь в самом деле люди порой счастливы заблуждаться, жить в иллюзорном мире. Если это, правда, комфортно... Ученикам она говорила осторожнее: дескать, в Дании по-

нимание правды иное, мальчику не поверили. Но школьники-то улавливали её мысль.

Маргарита Павловна покорно приняла единый госэкзамен – ЕГЭ, утверждая что это явление нелепое и временное. Рекомендацию преподавательского коллектива в претенденты на президентский грант она встретила в штыки, но уступила инициативе снизу, от родителей. Как и она, я не очень надеюсь на удачу и заранее обдумываю письмо Президенту, чтобы он в связи с моим представлением лично выделил ей грант.

Благодаря Тормасовой в школе прекратились подношения учителям. Однажды трое родителей в день рождения принесли ей подарок. Она возмутилась, открыла тайный дневник и поставила их детям двойки вроде бы как за поведение. Об этом написала газета. Какая благодать.

Я засиделся в своей должности, ухожу и верю, что Тормасова ломает мои педагогические стереотипы. Буду приходить в школу, чтобы подпитываться её энергией и щедрым умом, как изношенный аккумулятор. Постараюсь остаток жизни посвятить охране её свободомыслия от атакующего педагогического шарлатанства, насколько позволят силы. Прилагаю своё заявление об уходе».

Тормасову директором школы не утвердили.

Прощка

И откуда он пришел к дому Никитиных.

Кончался сентябрь, случилась уже лёгкая изморозь на траве, а этот хохлатый цыплёнок ещё не сменил писклявого голоса. Валентина Андреевна увидела его среди рассыпавшихся по обочинам дороги кур, с опаской оглядела свою окраинную улицу и открыла калитку. Цыплёнок

словно узнал потерянный двор. Она не отступила от калитки и слегка прихлопнула ладошками. Гостечёк забежал.

Вышел супруг. На радостях она сказала ему, как бывшему педагогу, своему учителю:

– Григорь Иваныч, у нас новосёл. Каков, а?

– Откуда такой позднушок?

– Прибился вот. Знает добрых людей.

– На нашей улице таких вроде нет. Надо спросить в Житном переулке.

– Ещё чего, пойдешь напрашиваться, – строго возразила Валентина Андреевна; её тоже звали по имени-отчеству, как бывшую медсестру, потому, что безотказно делала уколы и рекомендовала нужные лекарства всем, кто обращался. – У нас пропадали цыплята и куры, кто-нибудь принёс?

– Валь! – повысил голос Григорий Иванович, мужик пожилой, но дебелий и статностью ей ровня. – У тебя на дармовое вечно глаза горят. Во-первых, сейчас осень, а он ещё пискляк. Во-вторых, куры его задолбают.

– Ничего, свыкнутся. У нас вон какого петуха куры гоняли, а потом так их взял в оборот. Пока походит по огороду один, на ночь будем загонять в гараж. Понемногу будем выпускать на улицу к курам, под присмотром.

– Считаешь, что это петух?

– Да пусть и петух. Вырастет – старого зарубим, а этого оставим. Гляди, какой красавец.

Цыплёнок с хохолком и напущенной на глаза чёлкой деловито прошёл около гаража, и умиротворённо чурюкая, направился к капусте. Валентина Андреевна сопровождала его умиленным взглядом, словно напоминал её молодость, когда только начинала ходить на вечеринки, а её учитель стрелял на неё взглядом.

Григорий Иванович подстраховался. Избегая обыденного скандала с супругой, он, как бы между прочим, сказал

о прибившимся цыплёнке сначала одним соседям, потом другим – на случай, если вдруг отыщутся хозяева. По крайней мере, не будет стыдно, ведь искал, объявлял. А куры между тем при удобном случае так и норовили клюнуть новичка.

Прошло две недели, хохлатик подрос и всё также беспечно ходил по убранному огороду, разгребал под яблонями опавшую листву. Теперь окончательно стало ясно, что это петушок, его голос прорезался.

В один погожий денёк обнаружили хозяева этого питомца. Шел Григорий Иванович по пригородной второстепенной шоссе, а она всего лишь через две улицы. Это был дом с корабликом на крыше. Проходя мимо, он заглянул в раскрытые ворота и увидел во дворе таких же хохлатиков. Сердце шевельнулось: и обрадовался и растерялся. Пришел домой в лёгком волнении, сказал Андреевне: надо отнести. Она возразила: потеря сама по себе не велика, но сроднились, как теперь отдать назад? Нет-нет.

В склоку входить не стал, уступил, вознамерившись выбрать момент, когда она уйдёт в городскую баню, а может быть, в церковь – на причастие или на покаяние. И опять подвела его нерешительность.

Утром Валентина Андреевна заглянула в курятник и ахнула: сетка лежала, а на ней полуживой Прошка. Расправа была, конечно, жестокой, за свисающей чёлкой его глаз не было видно. Хозяйка вошла в дом, заголосила:

– Вот, полюбуйся. Ты ни одного дела не доведёшь до конца без приключений. Я следила. Старалась, а ты даже не мог подпереть доской как надо. Всю жизнь тят–ляп...

Григорий Иванович старался объяснить, что сделал всё как всегда, но куры, видно, столкнули подпорку, как не раз сталкивали фанерку для выхода на улицу. Но это не было ей утешением, продолжала его «точить». Он возмутился:

– Это всё твоя алчность, не тебе ль я говорил, что надо найти хозяев. Нашёл, и опять проявилась алчность. Позарилась.

– А не ты ль, мой учитель, этому меня научил? – съязвила она.

– Вот бы услышали это твои родители, – отозвался он.

Так они перебрёхивались, но каждый чувствовал свою вину.

Валентина Андреевна устроила беднягу Прошку в прихожей у двери, на стеблях увядшего клевера. А Прошка угасал. Не пил и не ел. Раскрывали клювик, вливали воду, проталкивали жидкую кашу, а он был безразличен. Так и сидел, подсунув голову под крыло.

На второй день Никитин отвёз Прошку в ветлечебницу. Врач осмотрел и заключил: травмирована голова, вряд ли выживет. Надеялись на чудо, но на третий день цыплёнок свесил голову и застыл.

Первым увидел Григорий Иванович, крикнул:

– Валь, Прошка готов.

Она подошла, брякнула:

– Вот итог твоего разгильдяйства.

Муж уставился на неё. И молчал.

– Что, я не права?, – спросила растерянно.

– Эх ты, зануда, – сорвался он. – Бегаешь в церковь, а грехи репьями липнут. Будешь на исповеди – расскажи попу про свою алчность. А я буду ждать, кого из нас первым господь потащит на плаху за эту безгрешную душу. Пусть определит виновного, я не против. А приедут сыновья, они по-своему оценят.

Протест был так убедителен, что она дрогнула, молча села в фойе на диван, откуда был виден Прошка. Выдержав паузу, примирительно попросила:

– Гриша, иди один. Закопай. Я не могу.

Вдохновлённый её смирением, Никитин вскипел ещё больше:

– Хватит паясничать, я еду в деревню. И не вернусь до тех пор, пока всё не осмыслишь и не прикатишь за мной на такси. Не звони, телефон выключу. Я у братца первый гость.

– Тебе, педагогу, видней. Закопай хоть.

– Нет, нет и нет!

Он вслух просчитал время и сказал, что успеет на последний автобус. Стал собираться неспеша и деловито. Не забыл бритву и даже зубную щётку с пастой, которой редко пользовался. Валентина Андреевна не препятствовала, сидела отрешенно. Когда же он взял сумку и у двери стал обувать туфли, она вскочила, схватила его за рукав плаща.

– Гриша, прекрати этот спектакль. Я виновата, извиняюсь. Ну, пожалуйста, давай вместе закопаем.

Он опустил сумку на пол, словно в бессилии. Сдался.

– Виновата, мне страшно, – ещё раз призналась она.

– Удивительно, первый раз в жизни повинилась, – сказал он и стал раздеваться.

Закапывали Прошку у своего забора, молча. Григорий Иванович обозначил лопатой ямку, обрамлял её и рыхлил, а Валентина подсказывала, примеряла. Достигнув нужного углубления. Никитин сказал:

– Хорош.

Она аккуратно положила в вырытую ямку Прошку, погладила хохолок и чёлку. Муж дважды загрёб лопатой сыпучую землю, надавил ногой, и тут раздался утробный звук – из цыплячего чрева вырвался воздух.

– Господи, какие вы, мужики, неаккуратные, – ругнулась Валентина Андреевна. Взяла из его рук лопату и аккуратно завершила дело.

Через два дня, в воскресенье, она пошла в церковь, заказала поминальный молебен для своих родных. Среди них

было новое имя: «Прохор». С того дня супруги старались о Прощке не говорить, как бы затаившись: будет ли теперь наказание господне или вину испутили?

В середине недели из Москвы позвонила невестка, жена старшего сына, и сообщила, что он попал в аварию. Лёгкое сотрясение мозга, положили в больницу. Валентина Андреевна ослезилась:

– Господи, неужели это ещё не всё?

– Да будет тебе, совсем отупела со своей церковью, – необидно сказал Григорий Иванович и спросил:

– Кто поедет?

Определиться не успели. Вечерним поездом прикатил младший, Олежек, он работал в Москве в охране, вахтовым методом. Поужинал и пришёл к родителям. Успокоил их:

– Да вы не суетитесь, всё будет нормально. Я ходил к врачу. Говорит: сотрясение не опасное, через две недели выпишут. Как раз к моему приезду. Нога заживёт. Перелома нет.

Поговорили о суетной жизни в столице, об автомобильных пробках, про мэра Лужкова, мятушегося по миру со своими миллиардами. Когда Олег собрался уходить, Валентина Андреевна проговорила опечаленно:

– А у нас тут горе.

– Что ещё? – насторожился сын.

– Да цыплёнка похоронили. Того, что к нам прибился. Куры заклевали, заразы.

– Подлей, подлей ещё, – недовольно сказал Григорий Иванович и встал, отстраняясь от такого разговора. Олег подхватил его настрой:

– Ма, ты как ребёнок. Что вы привязались к этому цыплёнку. Ну купите ещё пару кур. Даже стыдно слышать, ей-богу. – Он сунул руку в карман, достал купюру и поло-

жил на стол. – Вот вам на цыплёнка и на окорочка. Ешьте, только без этого нытья.

Отец, уже вошедший на кухню, выглянул оттуда и сказал строго:

– А вот это своё барство оставь, и детей так не учи. Купчик нашёлся. Забери свой капитал.

Олег взглянул на мать, увидел на её лице согласие с этими словами и сунул свою купюру в тот же карман.

– Ладно, я пошёл. А насчёт Прошки не переживайте. Можно сказать, ему повезло.

– Повезло, счастье привалило. – Вослед дополнила мать.

На это он пошутковал:

– А Прошке своему отчество придумайте.

САМОГОНОБОРЕНИЕ

(рассказ)

Лунной сентябрьской ночью Алексей Зиновеич вскочил от пронзительного звонка – такого привычного, но неожиданного. Открыл дверь как всегда доверчиво и решительно. На верхней ступеньке стоял Апостол – его вечный должник; именно Зиновеич дал ему такое прозвище. Апостола не было в городе все лето, но Зиновеич сделал вид, что этого не заметил.

– Геня, сколько я тебе говорил: после одиннадцати ко мне не появляйся. А сейчас сколько?

– Ну, где-то около часа.

– Второй вопрос: какой твой долг?

– Как помню, двести пятьдесят. Теперь, конечно, с процентами.

– Незабвенный участковый Анискин сказал бы: «Так, двести пятьдесят? По нашим временам это мелочь. Одна только беда: все великое складывается из мелочей».

– Алексей Зиновеич, давай без нотаций: округлим до трехсот, и я буду строго соблюдать финансовую дисциплину, – проникновенно попросил Апостол. – У меня теперь сберкнижка есть.

– Дай-то Бог. Слышал, с Веркой сошелся?

– А что делать, Зиновеич. Ленька пошел в школу, на него сколько угрохали. А она, овца, сберкнижку мою спрятала. На днях отдам, деньги есть.

– Прохиндей, – доброжелательно сказал Зиновеич и пошел на кухню. Вернулся с четырехгранной бутылкой из-под водки «Немирофф».

– Клиентуры нет, потому и даю под брехливое слово.

– Зиновеич, не обижай. Лучше спроси о моих похождениях.

– И где же ты блукал эти месяцы?

– В Подмоскovie зашибал, дачу строил у одного полковника. Звание не ахти какое, но главное – топчется при Генштабе.

– Для штабистов война всегда как мать родна, первыми ставили свои фамилии в списках на ордена.

– Если б ты глянул. Захватывают сосняк, тянут заборы, крокодилов разводят, падлы.

– Генок, знаю я все это. Газеты надо читать и делать правильный вывод. Москву превратили в отдельное государство, начинается холодная война между Россией и Москвой. Отпускают деньги на эскадрилью самолетов, а они в часть не поступают.

– Алексей Зиновеич, обожрались, – перехватил его мысль Апостол. – Деньги для них как для нас вода из крана. Мы там вели кирпичную кладку, а рядом бригада хохлов отделявала дворец одному министерскому дельцу.

Навесили они входную дверь. Дверь – залюбуешься. Приехала жена этого пузогрея, поколупала крашеным ногтем косяк и говорит: «Этот орнамент ни к чему, переделывай-те». Выбросили дверь и начали по новой. А пузогрей даже ей не возразил.

– Вот ты тут пьянствовал и никогда не думал, кто нами управляет. Управляет ихнее бабьё, то есть как бы Гришка Распутин при дворе. Тебе нравится это сволочное «как бы»?

– Зиновеич, тебе бы лекции в институтах читать, а ты этой жижкой занимаешься.

– Отвечу тем же. Тебе, Геня, с твоим талантом, инженером бы быть на заводе, а ты мою жижку хлебаешь.

– Всё, пошел я. – Апостол сунул бутылку в боковой карман пиджака, сошел на нижнюю ступеньку и кивнул вверх на Луну. – Заметил? Настоящее бабье лето. Прилив сил. Кому бы морду набить?

– Тут один бывший спортсмен говорил: так охота рвануть на стометровку, ему за шестьдесят. А ты – бить по морде.

– Виноват, Зиновеич, никогда не бегал. Нет, вру, на зоне как-то проводили кросс, но я срезал все углы.

– Слушай, дам тебе адресок, кому набить морду: улица Промышленная, дом семь, квартира семьдесят семь. Серега Крайнов, должен мне восемьсот рублей и два месяца глаз не кажет. Он пенсионер по горячему стажу, живут с женой вдвоем.

– Примерно его представляю. Значит, дом семь, квартира семьдесят семь? Три семерки. Ладно, к выходному доложу. – Алостол направился к калитке.

– Только поаккуратней там, а то загремишь повторно, - напомнил старик.

– Не бойся, найду вариант.

Весь следующий день Зиновеич был в тревоге, опасаясь, что Апостол, как вышибала, доведет дело до милицейских разборок. И клиентура захирела, с раннего утра побывало всего человек семь-восемь, при этом один, с трясущимися руками, просил налить на три пятьдесят, а другой на семь рублей – сто грамм. Пришлось уважить – тоже ведь живые души. А в кладовке шестьдесят литров не востребованы. Правда, днём раньше разом взяли десять бутылок по спецзаказу на какое-то гулянье.

К удивлению Алексея Зиновеича, Апостол пришел в конце следующего дня. С порога разыграл:

– Зиновеич, ЧП.

– Влип?

– Да нет, все нормально. Наливай по сто пятьдесят.

– В честь чего?

– Наливай, говорю.

Поговорили ни о чем, откладывая главное на «закусон». Зиновеич в полном неведении, но в приятном ожидании от сведения «всё нормально» торкнул на стол граненую бутылку, выгреб из-под дивана несколько немых мелких помидоров, налил примерную дозу.

– Надеюсь, выпьем за твой успех, - сказал хозяин, протянув к нему свой граненый стакан; старик придерживался русской традиции.

– Помянем раба божия Серёгу, - поправил гостёк.

– Как? - отпрянул Зиновеич в испуге.

– Да помер твой должничёк. Вчера уже девять дней отметили.

– Ах, стервец. – Хозяин поставил стакан. – Он, значит, угасал и старался как можно больше урвать напоследок?

– Насчет этого не знаю. Не думаю, что он старался урвать. Да и к чему теперь этот разговор. Нет человека.

С таким неожиданным поворотом Зиновеич богобоязненно согласился:

– Да, да, все мы там будем.

Они выпили. Ещё не закусив, Апостол сказал:

– Вот, старина, как-никак, а тебе облегчение, вопрос закрыт.

– Закрыт, конечно, да если б он такой один был...

– Не горюй, Зиновеич. Считай, что с тебя НДС взяли, - успокоил Апостол и вдруг уточнил: – Слушай, а какую у тебя Серега брал? Белую простую или с настоем?

Малость растерявшись, Зиновеич ответил:

– Он брал светленькую, экономил.

– Значит с добавкой «Кирюши»

– Ты что, трехнулся? – вздрогнул Зиновеич и гневно бросил вилку на стол. – Оставь эту хреновню, иначе я с тобой никакого дела иметь не буду. Понял? Еще ляпнешь где – проклянущу.

– Да пошутил я, пошутил. А почему пошутил? Один раз видел около твоей теплицы пустую пластмассовую фляжку из-под стеклоочистителя.

– Может, и валялась. Ты у малого моего спроси, он для мастерской много чего брал.

– Да мне-то какое дело. Это я так, в шутку.

– Прекрати такие шутки, понял?

– Понял, Зиновеич. Плесни.

Посидели еще малость. Говорили на общем языке, а думали каждый о своём. Провожая исполнителя, Зиновеич подытожил:

– Гень, ты видел, чтобы я с кем-то из вашего брата выпил?

– Честно, нет.

– А почему ты меня шантажируешь этим «кирюшей»?

– Ты ошибаешься, просто к слову пришлось.

– Дак вот. Сам знаешь, на меня сколько писали, сколько раз менты приходили с проверками. Брали на анализ. И

никаких претензий. Гоню для себя, по закону не запрещается. Никому не продаю. Все. Понял?

– А я тут при чем?

– Не надо меня пугать. Если ты бессилён оплатить мой труд, то скажи, мы определимся. Но так не надо.

– Да пошел ты на хрен, Зиновеич, со своей добротой. Отдам я тебе долг на этой неделе. Ей-богу, отдам, только не пугай ты меня ментами.

Апостол вышел, но тут же приоткрыл дверь, просунулся и сказал миролюбиво:

– Вот мы тут грыземся, а власть лапшу нам на уши вешает; мол, на человека в год выпивают в России по семнадцать литров сорокаградусной. Я уж не помню - может и больше. Так?

– Да, спецы подсчитали, - умиротворенно отозвался старик.

– А кто учёл, сколько мы с тобой сегодня выпили?

– Да никто, глупость это.

– А ты сам знаешь, сколько за год выдаёшь на-гора?

– Гень, иди.

Апостол шире открыл дверь.

– Зиновеич, дай чекушку. Премияльные за наш хороший разговор. Триста рэ плюс семнадцать пятьдесят.

Зиновеич молча пошел за четверкой.

СКЛЕРОЗНАЯ ЧЕСТЬ

Одинокий человек Дмитрий Шпаликов собрался в ветлечебницу, чтобы купить препарат для изгнания из шерсти кота Бусика мучителей блох.

В кармане у него было несколько пятидесятирублевых, а на всякий случай отложил пятисотку – мало ли что подвернется. Одеваясь, увидел в окно соседа, он суетился около машины, уже захлопнув дверь гаража; явно изготавился куда-то выехать. Шпаликов вышел, уточнил направление – оказалось по пути, в центр города. Торопливо вернулся, сгреб со стола денежки, хорошо закрыл дверь и калитку. Поехали.

В аптеке работала пожилая женщина примерно его возраста. Лично с ней знаком не был, но знал, что она супруга давненько умершего заведующего ветлечебницей, известного в городе человека. Взяла его купюру, отсчитала сдачу с пятисот рублей.

– Что вы, мне надо с пятидесяти, – остановил ее Шпаликов.

– Да? А я-то думала... Извините.

– По цвету схожи. Я сам иной раз вот так же.

Так вот и обменялись любезностями. Прошелся Шпаликов по торговому ряду, без необходимости заглянул в «Электротовары» и неожиданно для себя приглядел маленький массажер; артрит оседлал его колени. Сунулся в карман, перелистал пятидесятки – нет нужной деньги. Он в другой, третий – тоже нет. Взволновался, веря, что не мог потерять. Значит, аптекарша первую сдачу отсчитала правильно. Да и согласилась с ним как-то неуверенно. Вернет ли?

Досадуя на свою дырявую память, заспешил опять в аптеку. Вошел и как мог старался придать своему виду больше уверенности и спокойствия.

– Вы уж извините, а я ведь действительно первоначально отдал вам пятьсот рублей. Затмение какое-то, склероз.

– Да вы что? – слегка удивилась аптекарша.

– Спутал, купюры-то цветом схожи.

– Что ж мы такие ротозеи. Действительно склерозники.

Отсчитала она сколько положено, а Шпаликов даже постыдился пересчитать, хотя была мысль, что все-таки воспользовалась его ошибкой.

Дома старика оглушил новый сюрприз, еще более горько-комичный: на столе из-под газеты выглядывала злополучная пятисотка. Спешка да склероз – вот и комедь.

Прилег он на диван, успокоился, размышляя: если не спохватилась, то как будет удивлена его третьему визиту. А все-таки: поблагодарит или ругнет, как простофилю? С этой мыслью он встал и пошел к автобусной остановке.

В аптеке она была уже не одна. Опередила его.

– Вот и слава Богу, я ж вам недодала десятку. Препарат стоит двадцать три рубля, а я высчитала тридцать три. Думаю, пойдет слава: польстилась.

– Какие тридцать три! – с облегчением воскликнул он. – Вы посмотрите, сколько я недодал.

Шпаликов выложил ей весь возврат, и они стали объясняться, а посторонние удивлялись, пытаясь постигнуть еще неразгаданный сюжет. Итог подвела она:

– Ну и дела, совсем заблудились. Давайте от греха обменяемся телефонами. Меня зовут Анна Никифоровна. А вас?

– Дмитрий Петрович, - ответил он и добавил: – Шпаликов.

– Вот и хорошо.

Он назвал номер своего телефона. Она оторвала листочек, записала. На втором записала свой номер, передала ему с напутствием:

– Так что звоните, Дмитрий Петрович, если опять что-нибудь не так. Надо же, таких историй не придумаешь. Дожили.

Шпаликов пожелал здоровья и вышел с мыслью, что обязательно позвонит. «А дамочка еще с видом и сколько благородства», – отметил он толи тихо вслух, толи про себя.

ГОЛЛАНДСКАЯ КАРТОШКА

Хоронили бывшего начальника цеха литейного завода Гену Кривенкова. Работяги авторитет его называли народно-чапаевским. Перед начальством отстоит любого прохиндея, если тот не шадит себя ради выполнения плана. Именинников встречал у проходной с поздравлениями, женщин - только с цветами. Казалось обидным, если называли его по-расхожему просто благородным человеком, особенно сейчас, когда вся заслуга покойного представлялась так, словно просто сумел умереть как любой забулдыга или взяточник: все благородные, всем царствие небесное. Его почитали не только заводские, но и гаражная, и дачная братия. Некоторые ходили посмотреть отделку домика-теремка, ухоженность грядок, а также с хохмической целью: найти хоть одну травинку на шести казенных сотках.

Прошаясь с ним в хмурый ноябрьский день с первыми ленивыми снежинками, самые наблюдательные отметили любовь к нему даже самого всевышнего: в минуты отпевания покойного в церкви в окна заглянуло солнце. Сверкнуло при подъезде к кладбищу. Но поразило всех такое явление: перед опусканием гроба стеной пошел на сухую землю непроглядный снегопад.

Поминали в самом дорогом кафе города, речи были проникновенные, а столы обставлены так, что осталась почти половина несъеденного, все это стряхивали в пакеты

для домашнего употребления. Расходились неспешно-нехотя, словно в надежде, что заглянет сюда Геннадий Петрович для оценки порядка и обстоятельного прощания.

Двум заводчанам предпенсионного возраста Озерову и Хренову было по пути до городского парка. Перешли улицу, обогнули Дом культуры.

– Вот и нашел себе приют наш Геник, высечь его было некому, – перешел Озеров с поминального тона на простецкий бытовой. – Мужик мудрый, а какую глупость совершил.

– Сам удивляюсь, Лех. Выращивал он этот голландский сорт как заправский агроном, а тут клюнул на новую моду. Ну невмоготу тебе обирать этих колорадов, так побрызгай на ботву, как всегда было. Но чтобы посадочные клубни обливаться – это дурное дело. Урожай с корня отравой подпитывается, все идет в организм.

– Иван, разве он один клюнул на это? Вот также мой сосед. Я собираю эту гадость лень за днем, а он улыбается. Погляди, говорит, ни одного серого не найдешь, проблема решена. Вот дебил.

Иван Хренов поразмыслил, отклонился:

– Я встретил Геника по весне. Худой, желтый. Помогался по больницам да поликлиникам. О лекарствах поговорили, о врачах. Умирать вроде не собирался, надеялся

– О картошке ничего не сказал?

– Об этом как скажешь. Это уж от людей слух пошел.

– Скорей всего, Нюра сбила его с толку, – предположил Озеров. – Мужик был твердый, а вот поддался. Он и вообще перед ней дома ходил на полусогнутых. Да была бы уж красавицей.

– А ты не допускаешь, что подбивала его на эту авантюру, ну и сотворила тайно.

– О, голубчик, ты наивен. Разве без его ведома начали продавать свою картошку, теща сидела на рынке. Себе покупали у знакомых.

– Да, жалко мужика.

Они вошли в парк, сели на скамейку.

Леха изменил направление разговора:

– А вот ты скажи, почему так бывает: она здорова, а его вот нет?

– Так это божья закономерность. В жизни как? Родители нагрешат, а расплачиваются дети, внуки.

Пофилософствовали малость, Иван встрепенулся:

– А вот ты объясни, почему мы сели на эту холодную скамейку? Знаем же, что будет простатит, да вот сидим, рассусоливаем.

– И правда, – легко согласился Озеров. – Разбегаемся.

Они попрощались и разошлись.

ПАЛЁНКА

Думал ли Денис Шерстобитов в свои молодые дурашливые годы, что судьба вознесет его в правители. Да скажи тогда кто-нибудь о таком вознесении запивающего парня, служившего мастером в сочетании с побегушками в магазин у начальника заводского стройуправления Чернышова, – осмеяли бы. А жизнь потому и прекрасна, что не шаблонна, непредсказуема и загадочна.

Умер Чернышов, добрейшая душа, в тот год, когда Деня закончил строительный техникум и стал работать прорабом. Много перенял он у своего умудренного учителя, а лишь одно отверг: винные возлияния. Да такой дал обет, что во искупление грехов своих стал посещать церковь.

Все, кто знал его, считали, что это ненадолго, слишком добр и мягок характером, а раз людям во всем готов услужить, то и себе не откажет перед соблазнами. Но он весь ушел в дела, поступил в заочный институт.

Когда в стране началась ломка, и угасло заводское стройуправление, Деня хорошо сориентировался, учредил свое предприятие и убедительно назвал его «Модель». Для начала выполнял колхозные заказы, набирался опыта. Почувствовав силу, организовал фирму и начал строить дома-девятиэтажки. На фоне серых хрущевок они выглядели цветными детскими игрушками. Теперь его величали только по имени-отчеству: Денис Викторович. На торжествах при сдаче объектов говорил кратко: пеняйте, советуйте, поругивайте, все учту. Был он не оратор, но вот этим подкупал

Год за годом формировался микрорайон, который стали называть в народе Шерстобитовским. Денис Викторович укоренялся. В подмогу строительному бизнесу открыл магазины, кафе, автозаправки. Люди увидели истинный бизнес, который ранее был пугалом. К Дене шли за помощью горемыки, больные, незрело-амбициозные поэты ради издания пустотелых книжек. Можно ли представить, что государственное или заводское управление могло так снизойти к людям.

Под приглядом Дени его младший брательник Коля, изгнанный из пожарной части за поджог казенного гаража по пьянке, с юности получивший выразительное прозвище Коля-Морда, управлял торговлей, сам Денис взял в дополнение к строительству на свое попечение несколько автозаправок. Надвигались выборы мэра, и в городе заговорили: «Не двинуть ли Деню».

Однажды к Шерстобитову пришла его бывшая учительница, директор школы Шпилевая. Ей повезло, был в кабинете один. Едва поприветствовала, Шерстобитов вы-

шел из-за стола - высокий, в блескучем костюме – пригласил сесть. Она приютилась на рядке стульев, у самой двери, а он вернулся на свое место,

– Алина Григорьевна, рад Вас видеть. С какой радостью или печалью?

– С одной просьбой, и очень настоятельной, Денис Викторович. В вашем благородстве сомневаться невозможно. Только вот наслышана, что в продуктовых магазинах под знаком «Дня» школьникам продают сигареты, а мужчинам сбывают водку без акцизов, так называемую палевую.

– Вы имеете в виду паленую?

– Да-да, ее проклятую.

– Это точно?

– Мой муженек оказался потребителем. Случайно нашла в гараже пустые бутылки, не успел выбросить в овраг. В гараже и гужуются. И знаете, стал жаловаться на тупую боль в печени.

– Красивая новость.

Петухом пропел сотовый.

– Извините, – кивнул хозяин кабинета и приложил трубку к уху. Поздоровался, насторожил: – У меня тут люди, перезвони минут через десять. Ну и что? Проверь накладные, позвони им в цех. Пока не найдут разницу в оплате, грузить панели не будем. Все.

Цокнув сотовым по столу, уточнил:

– И что, он сам назвал торговую точку, Алина Григорьевна?

– Назвал, мы с ним иногда бываем на таком доверии.

– Хорошо, Алина Григорьевна. Это настойчивые проделки братца. Магазины - его вотчина. Я упреждал, разберемся.

Отвлеклись на школьные темы, на новые веяния в связи с введением ЕГЭ и опять кукарекнул сотовый. Денис Викторович отозвался с ноткой раздражения:

– Перезвоните, у меня люди.

Шпилева встала.

– Денис Викторович, не смею задерживать.

Он вышел из-за стола, сделал чуть заметный поклон. Едва утихли перестуки каблуков на лестнице, включил телефон.

– Колюша, топай ко мне. Срочный разговор.

Минут через десять «Форд» нарисовался под окном, обозначив себя сигналом. Коля-морда шумно вошел, отдуваясь, плюхнулся туда, где сидела Шпилева.

После вступительной отчитки за дебилность старшой завязал пуповину.

– Ты ж видишь, приближается предвыборная. Ну, сунусь я. Да они из-за одной этой паленки затопчут. Ты-то для народа человек нулевой, а отдуваться мне. Говорил же, передай корешам, зачем нам дурные слухи.

– А слухи между прочим разные. Ребята мне рассказали такую штуkenцию. Едут в автобусе две бабы и рассуждают про грабежи на дачах.

– Ты уж скажи поточнее: не две бабы, а две морды, - уязвил старшой, намекнув на мужицкую кондовость Коли.

– Да не в том дело, ты слушай. Сидят две тетki. Одна говорит другой:

– А ты знаешь, почему дачи перестали грабить? Давно ли ломали замки, выгребали все, что из цветного металла. Теперь бог милует». Вторая спрашивает: «Почему?» А та ей: «Да потому, что бомжи спускали награбленное за паленую водку. Теперь все прибрались. Лучше всякой тюрьмы».

Коля-морда при этом смешливо хмыкнул, а Денис Викторович пресек его черный юмор.

Чудеса в конверте

Гриша Самохин с детства верил, что доживем после царей до времечка без зла, лжи, обмана. Но самым поворотным моментом стал факт, когда его, командира пожарного расчета, изгнали из пожарной части за то, что как занудливый общественник, стал требовать сбора средств в фонд Мира, разоблачал сливание бензина из боевых машин. Его изгнали из пожарной части. Не помогла даже статья в областной газете «Запланированные пожары». Так и пошло.

Не способный бездельничать Григорий Иванович освоил народный промысел отца — плетение мебели лозой, о чем писали газеты. Унаследовал и отцов характер. К примеру, Иван Андреевич в 1941 году попал в плен, построили их и переводчик спрашивает: «Кто из вас верно служил большевикам - два шага вперед». Вышел Иван и его друг. Дали им справки, как охранные грамоты, и отпустили домой. Заякали и другие, да поздно было.

Гриша написал более пяти тысяч жалоб. Правоохранители отписывались, но относились к нему с уважением при встречах. Однажды из прокуратуры, отказывая ему в просьбе, в заключение написали, как бы ошибаясь: «Что касается покойного Г.И. Самохина, рассмотрение вопроса не входит в нашу компетенцию». Гриша отреагировал примерно также. А был случай, когда требовалась поправка разбитой дороги в полтора километра, ему отписывались тем, что есть хороший подъезд вкруговую, 14 км.

Он писал: а если пожар? Четко отреагировали только в МЧС. Дорогу немедленно выправили, а ему еще шли отписки: выправить ее невозможно.

На шестьдесят пятом году Григорий «прихватил» ишемию сердца. Но не сдался. Изгнал егеря, который бил кабанов под прикрытием областного начальства.

Содержание

Анонимка на себя	6	Подстава	46
Зловещая частушка	7	Заповедано	49
Эксперимент.....	9	Лотерейный билет	50
Подозреваемый Артемьев ...	10	Бюрократия.....	52
Джентельмены	12	Авторитетный синяк	53
Святая находчивость.....	12	Развод по-нашенски	54
Криминальная морковь	13	Уважаемая нищета	58
Самогонная страда	14	Буква закона	59
Выкуп	15	Пережил вождя.....	61
Гаражные люди.....	16	Обморок.....	62
Лифт для дураков	18	Ах, неметчина	63
Жгучая ностальгия	19	Суслик.....	65
Черепная травма.....	20	Мы, нижеподписавшиеся... .	66
Солдатская смекалка	22	Клин – клином	67
Божья милость	23	Рыболов	71
Слежка	24	Мсть.....	71
Цветы доносчику	26	Ворошиловский проспект	72
Великодушный генерал	27	Арап.....	74
Запланированные похороны	28	Застой	76
Дитя колымы	29	Плакальщица.....	77
Компромисс	30	Ситуация.....	79
Кувалда	33	Стволom на запад	81
Бунт	34	Дача с мансардой.....	82
Подарок юбиляру	35	Короткая оттепель.....	83
Жестокий поцелуй	36	Прошка	86
Дед Ленин	37	Самогоноборение	92
Война и киномеханик.....	38	Склерозная честь.....	97
Нужный человек	39	Голландская картошка.....	100
Коммуналка.....	41	Палёнка	102
Любимица дина	42	Чудеса в конверте	106
Танцы на щебёнке	43		
Гадюка.....	45		

Николай Емельянович Калинин

**ЧУДЕСА
В КОНВЕРТЕ**

Российские сюжеты

Подписано в печать 10.01.2017 г. Формат 60x84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 6,75 усл. печ. л. Тираж 30 экз. Заказ № 178

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru